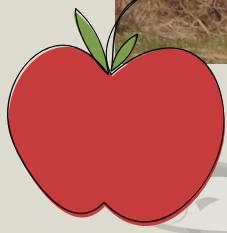
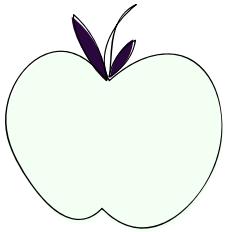

ДЕРЕВЕНСКИЕ РАССКАЗЫ

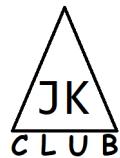

ИВАН КАРАСЁВ

ИВАН КАРАСЁВ

**ДЕРЕВЕНСКИЕ
РАССКАЗЫ**

2019

ПОПАДЬИНО

В Псковской области не меньше шести тысяч деревень. Считается, что по их количеству она занимает второе место в России после Тверской. Но Тверская область больше и по площади, и по населению. Людей на Псковщине живёт примерно, как в Ярославле, например, да и то половина жителей приходится на две местные «столицы»— Псков и Великие Луки. Есть ещё городки поменьше, а в деревнях осталось уже совсем мало народа - меньше 200 тысяч. Хотя когда-то на псковских просторах, лишь немного уступающих по размерам такой европейской стране как Чехия, людей числилось в три раза больше - миллион семьсот тысяч человек, из них больше полутора - на селе.

Деревень много, а народа мало, эта деревенская «раздробленность», наверное, самая внушительная в стране. Нигде, кажется, нет такого количества маленьких, в десяток домов, поселений как здесь, на Псковщине. Это не хутора с одной-двумя усадьбами, появившиеся в эпоху столыпинских реформ, нет, именно - маленькие деревеньки. Из окна машины их даже трудно заметить – редкие домики могут прятаться за одичавшими садовыми деревьями или буйными зарослями кустарников. Когда едешь из Питера по Киевскому шоссе, то такую картину наблюдаешь все 370 километров от Ленинградской области до границы с Белоруссией. Кроме окраин Пскова, путь твой проходит еще через три городка и затерянные среди лесов, озёр и заброшенных полей деревни. Только название очередного селения на синей табличке предупреждает автомобилиста о возможности появления одинокого пешехода на дороге. Пассажиру ещё удаётся присмотреться повнимательнее, и он кое-где замечает покосившиеся крыши старых домов и сараев, приступающие среди зелени, а иногда и полностью развалившиеся избы. Их сложившиеся как картонные коробки стены – живой укор людям, забросившим эти места. Новых домов почти нет, а, если и «выскочит» вдруг где-то среди общего запустения красавая, сверкающая красной металлической крышей и ярко выкрашенной вагонкой, постройка, то чаще всего она окажется придорожным кафе или мотелем. В деревнях вдоль дорог даже дачники редко селятся: шум, пыль, машины – плохой аргумент при выборе места для уставшего от суеты горожанина. В старые времена Белорусский тракт, напротив, притягивал население. Свидетельства тому кое-где сохранились - полуразрушенные купеческие дома и одинаковые, построенные по одному проекту, каменные здания почтовых станций с окнами в виде стрельчатых арок. В старину даже типовые проекты были привлекательными. А сейчас там, в лучшем случае,

волостные учреждения или почта, но по большей части они заброшены и медленно разрушаются.

В нашей деревне под названием Попадьино, ничего такого нет, да и домов-то всего двенадцать штук. Самого поселения именно на этом месте, вроде бы, не существовало, оно немного «сползло» в сторону после войны, когда колхозники разобрали построенные рядом с пепелищами их отцовских изб добрые немецкие блиндажи и стали возводить из тех же бревён свои тесные жилища по соседству. В сорок третьем году фронт стоял здесь несколько месяцев, и по нашу сторону озера были немецкие позиции. На противоположном берегу тогда окопались части Красной Армии. А в сорок первом в наших лесах немцы окружили две советских дивизии. Они хорошо попортили кровь захватчикам под Полоцком, но приказ на отступление запоздал. На Киевском шоссе в двух километрах от нашего Попадьино, отступающих ждали немецкие танки. Некоторые пытались прорваться и усеяли своими телами придорожные поля. Ещё недавно были живы бабушки - свидетели этой трагедии, в те годы ещё девчонки, в интернете я читал их свидетельства. С недавно гоняли солдаты Вермахта красноармейцев по окрестным лесам, бомбили, обстреливали артиллерией, а бедолаги наши уже оголодали, боеприпасы поистратили, и пошли в плен, деваться некуда. Покойный сосед, Михаил Ильич, которому летом сорок первого шёл девятый год, рассказывал, как на поле около дома родителей сидели в ожидании этапа сотни бойцов, а все леса были забиты брошенными автомобилями и оружием. Деревенские пацаны тайно вооружились, их даже взрослые стали побаиваться, детишки помельче собирали в зарослях деревьев командирские планшеты. В них находили самую большую тогда для детского досуга ценность – карандаши, в каждом планшете был всего один карандаш. Юный Миша Дегелев преуспел в этом деле - насобирал их штук двадцать, ими можно было обеспечить командный состав целого батальона РККА.

Оружие и боеприпасы находят в земле до сих пор. В девяностые годы двое подростков выкопали из заболоченного места автомат ППШ. Дома старший залез на печку и стал разбирать его, тут неожиданно раздался выстрел - в канале ствола оставался патрон. Слава Богу, никто не пострадал. Сорок с лишним лет оружие пролежало в болоте и сохранило свои боевые качества! Наверное, американские аналоги на такое не способны. Эту историю я узнал случайно, от их отца – моего знакомого, можно себе представить, сколько подобных историй произошло в окрестных местах. Нам тоже довелось совершить одну подобную находку. Несколько лет назад, году в четырнадцатом, весной, мы вывели детей в поход к заброшенной деревне

(таких здесь хватает). До точки назначения не дошли, детишки заныли, им стало неинтересно, они не такое видели по телевизору и в интернете. Зато по дороге, в нескольких метрах от нашей тропки, заметили выкопанную «искателями» миномётную мину. Как эти люди не боятся манипулировать такими вещами, я не знаю. Мина лежала на свежей кучке земли, головная часть смотрела вверх, а стабилизатор уткнулся в землю. Полное впечатление готового к выстрелу боеприпаса. Казалось, вот-вот и мы взлетим на воздух. Мину аккуратно обошли стороной. МЧС не вызвали, это ведь целая история, а мы приехали только на несколько дней. Смертоносная находка лежала на земле слишком заметно, чтобы её можно было не увидеть, а по ночам у нас никто не ходит. Ну, мы всегда так живём, как сказал Высоцкий. Только вот летом мины и след простыл. Куда она попала? На Украину? Вряд ли. В том же году в нашем районе одна семья, муж с женой подорвались на противопехотной мине. Оба погибли. Здесь и такое бывает. Грибники и рыбаки – люди рисковые.

Вообще, иногда складывается впечатление, что местный народ особой закалки. Им ничто нипочём, могут жить без света, который выключают в каждую грозу, и включают заново лишь пару дня спустя, без газа из трубы, которого у них не было никогда, воду, в лучшем случае, берут из колонки. Городской житель, приезжая сюда, не устаёт удивляться, как они целый год топчут эту грязь с ямами, ведь дорог в современном понимании этого слова тоже нет, как живут тут всю зиму одни, практически отрезанные от всего мира? А местные дивятся на городских, устраивающих трапезу во дворе и столющихся на солнце – ведь крайне неудобно таскать всю еду с кухни, куда проще поесть прямо там, на маленьком столике возле плиты. Готовишь – и тут же ешь, даже носить тарелки не надо, наливаешь суп прямо из кастрюли в миску, которая тут же рядом стоит. А ещё дачники почему-то прорубают окна с северной стороны, из каких это соображений, оттуда же весь холод идёт? Ну хочешь ты на озеро посмотреть, так выди на крыльце и любуйся, подумаешь, красота какая, Александр Македонский тоже был великий полководец, только зачем хату студить? А чего стоит их другая причуда – ловля рыбы не сетями, а удочками – пустая трата времени – сколько там поймаешь? Чисто детская забава, игра в бирюльки, то есть в поплавки-крючочки. То ли дело – поставил вечером сеть, утром проверил, и в ней рыбы на несколько дней. Хотя рыбёшка здесь мелкая, крупная не успевает вырасти благодаря профессионализму здешних рыболовов, всю вычерпали сетями. Рыбнадзор в райцентре имеется, но в районе не меньше сотни озёр, поспевает проверять только крупные водоёмы, наши к таковым не относятся. Ещё городские не мусорят повсюду,

как те, что приезжают из Невеля за щукой, наоборот, чужие бутылки собирают и увозят. Хотя куда проще закопать всё в яму, Наполнится одна, выкопай другую, и так до бесконечности, а когда уже сил не хватает по старости, то не стыдно отнести в ближайшую дикую свалку в лесу.

Образ мышления тоже сильно отличается. Это понимаешь, когда пытаешься получить какое-то внятное объяснение того, как надо что-то делать, разобрать смысл сказанного собеседником порой трудно. Особенно тяжело даётся взаимопонимание при выяснении местоположения нужного объекта или направления движения к чему-нибудь. Несколько раз я пытался уяснить, как найти руины старой усадьбы помещика Пучкова. И каждый раз мой знакомый удивлялся:

- Ну как же ты не видишь?! Мимо Кузнецовоицы проходил? Где ручей впадает в неё?

Кузнецовоица - это одно из местных озёр, что характерно, слово женского рода, ещё имеется Пучковица, Тиновка, Остива, Водача. Видимо, озёрная этимология наших мест берёт за основу понятие Вода – пучковская вода (по барской деревне) – Пучковица, вода с обилием тины – Тиновка, глубокое озеро – Водача.

- Ну, проходил!

- Дальше по дороге подымаешься выше, поворачиваешь по тракторному следу.

- Поворачивал!

- Так там на горке кирпич повсюду битый лежит, то и есть усадьба!

Лет сорок назад, может, и лежал. Видимо, в голове моего знакомого отпечатались воспоминания далёкого детства, хотя бывает он в том месте регулярно. Потому что когда я, наконец, нашёл «развалины» усадьбы, то никаких развалин уже не было и в помине. Место бывшего помещичьего дома помог определить бугорок, выделявшийся неподалёку от дороги, и лишь поковырявшись в земле, я откопал несколько обломков старого, клеймёного кирпича. Возможно, когда-то они были видны с дороги.

Или вот захотелось мне найти дорогу на озеро Пучковица, где раньше находилась исчезнувшая деревня Пучково. До недавних пор так называлась и остановка на шоссе в двух километрах от нас и на таком же расстоянии от Пучково. Рядом раскинулись два больших по местным меркам поселения, но

когда-то, наверное, после войны, автобусную остановку назвали по бывшей барской вотчине, не из уважения ли к изгнанному помещику?

Сосед Витя всё знает про окрестности:

- На поле за наше озеро выйдешь, там, у одинокой яблони справа лес повален.

Как рядом с одинокой яблоней может быть лес - загадка не для средних умов.

- А где та яблоня?

- Так я ж тебе говорю – одинокая!

На поле за нашим озером, есть отдельно стоящие берёзы, яблони не нашёл, возможно, была когда-то, а может жива до сих пор. Только не одинока.

Местные и говорят по-другому, это не чисто русский, московский язык. Здешние края присоединили к России лишь при Екатерине Великой, при первом разделе Польши, вместе с Витебском и Полоцком. К Витебской губернии они относились и до двадцатых годов прошлого века. Поэтому речь наших деревенских соседей больше напоминает белорусские говоры, мало общего имеющие с искусственным официальным белорусским языком, придуманным западнорусскими интеллектуалами во главе с Дуниным-Марцинкевичем. Причём придуманным так, чтобы он по максимуму отличался и от великорусского, и от польского. Наверное, поэтому на нём никто и не говорит в быту. Мне иногда сложнее понять этимологию какого-нибудь белорусского слова, чем его польского синонима.

Разговорная речь в окрестных деревнях и весях очень похожа на живой язык северной части Белоруссии. Однажды, где-то в районе Молодечно, в посёлке Алексновичи, я был поражён почти стопроцентным сходством интонаций тестя моего двоюродного брата с манерой произношения того самого деревенского знакомого, что мне местонахождение барского дома объяснял. Фонетика тоже белорусская, её ещё можно услышать в наших деревнях - оглушённое «в» становится не «ф», как в правильном великорусском, а, скорее, длинным «у», «р» и «ч» всегда твёрдые, а «г» раскатистое. Слово «причём» будет звучать так: «прычом». Я уже не говорю про такие словечки, как «ён» (он), «хата», «куплял», «г(х)арод» (огород), «шастог(х)а» (обязательно с гортанным южным «г», переходящим в «х», во избежание недопонимания перевожу – это значит «шестого»),.

Ну и, конечно, речь наших соседей обильно «удобрена» ненормативной лексикой. Присутствие женщин и детей не является непреодолимым препятствием для её использования. Нет, ребёнку или городской женщине (своя жена не в счёт) никто не скажет нецензурного слова, но если говорящий обращается не к ним, а к стоящему рядом мужчине, то тут уже вовсю чешут «по матушке». И это, естественно, не ругательства, а способ передачи мыслей. Некоторые не матерятся, например, сосед-молочник, зато практически после каждого слова у него следует предлог «на», сокращение известного выражения: «Возьми на...», «Одень на...», «Паг(х)ода нынче саусем какая-то на...». Как-то захожу к Сергею поздороваться после приезда и тот блеснул лаконичностью:

- Ааа, прыехау на...

- Ну как ты говоришь, вот так и приехал на..., - пошутил я, и моя шутка была оценена – Серёга улыбнулся.

Ещё интереснее оказался его прошлогодний разговор с моей женой. Он её инструктировал на предмет хранения парного, ещё тёплого, молока перед дальней дорогой, чтобы оно лучше перенесло пятисоткилометровую тряску в тёплой машине:

- Надо яг(х)о у **халадильник** на, поставь его на....

Супруга моя стала уточнять:

- Так в или на?

- Ну, у **халадильник** на...

Всё ясно, так и сделали, поставили «в», и молоко успешно доехало до Питера.

Не припомню, чтобы Серёга обращался к кому-нибудь по имени или ещё как. Нет, у него всего одно обращение: «ты». Да ему и не надо, больше двух человек одновременно он видит только у автолавки.

Вообще Сергей довольно интересная личность. Он кормит себя и мать, которая уже лет десять как не встаёт. Вне зависимости от погоды, при температуре выше нуля одевается всегда в одну и ту же одежду – камуфляжные штаны, какая-то неопределённого цвета рубаха и плотная матерчатая грязно-коричневая курточка. Только в самую жару он может её скинуть, да и то, если мешает косить. Но к приезду автолавки Серёга

обязательно приоденется, можно сказать, на нём парадный костюм с тщательно подобранными аксессуарами – брючки поприличнее и сшитые из одного материала в еле заметную клеточку куртка, кепка и авоська. Правда, штаны всё так же будут заправлены в резиновые сапоги. Выход к автомагазину для него равносителен поездке в город, там ведь он бывает только в исключительных случаях, коровы не отпускают. Серёга продаёт молоко своих двух бурёнок, ещё и бычков держит иногда, тем и живёт, У матери пенсия маленькая, но прибавка к доходу от молока существенная. Плюс картошка, огурцы и яблоки свои. Товарно-денежные отношения в нашей деревне не очень развиты, не всё считают в деньгах. Тот же Сергей-молочник, имея своих забот полон рот, может прийти помочь выкосить траву около нашего дома. Когда приезжаем на лето во второй половине июня к дому-то и подобраться пешком трудно, столько вырастает зелени дикой, и на первые дни я превращаюсь в не очень-то умелого косаря. Конечно, сено потом Сергей заберёт для своих коров, но ведь я и так бы ему отдал, куда оно нам? Только возня лишняя и ненужная со стожками.

У другого соседа, Вити, пытался я купить кусу, у него в хозяйстве их почти десяток имелся. Раньше много косарей было в семье, все, кто приезжали из города, помогали косить, для каждого – своя коса, а нынче ему столько инструментов ни к чему. Вот я и подошёл к Вите с просьбой, продай, мол, одну кусу, а то на рынке неизвестно что купишь. Витя не то чтобы ломался, продавать не хотел, а не знал, как ему поступить. Денег от меня он никогда не брал. Я мог прийти за пучком свежего лука, тогда, выдав мне в десять раз больше, чем просил, они с женой ещё добавляли: «а когда надо, вон оттуда сам рви». Поэтому я и обращался к ним только в крайнем случае, неудобно всё же. Вот и с косой Витя подумал, что сейчас буду ему купюры совать, но я представлял себе его реакцию, посему на деньгах не настаивал, а на следующий день привёз из города большущий торт с ягодками. Витины внуки уплели его за один день. Такой вот у нас натуральный обмен бывает. Потом Витя ещё учил меня косить, не потому что обучение входило в стоимость торта. Нет, чисто по-свойски, заодно и скосил процентов восемьдесят нашей травы.

Народ в Попадьино считает нас хоть и городскими, но всё-таки соседями, нашему приезду довольны – всё ж больше людей. Покойная баба Галя всегда нас напутствовала при отъезде в Питер: «Когда в следующий раз приедете? Приезжайте, не забывайте!» Раз мы соседи, то соседям надо помогать. Даже Кравченки, которых здесь недолюбливают, способны на бескорыстные поступки. Отец с сыном однажды нам ставни новые повесили – мне одному

было никак. Денег не взяли. А случается, что чуть ли не всем людом выходим на общие дела – купальные мостки починить или сжечь срубленные подряжёнными мною работниками кусты перед озером. Рядом есть деревня побольше, там за пятьдесят домов, и подход у народа уже другой, мы для них просто чужие, из Питера понаехавшие, на которых не грех и деньги зашибить. Подход вполне понятный и разумный, мы не в обиде, платим, сколько скажут.

Жизнь в нашей деревне размеренная, неторопливая. К этому располагает природа: внизу тихо ласкает берег озёрная вода, больших волн там не бывает никогда, иногда плеснёт разыгравшаяся рыбина, вокруг стеной стоят смешанные леса, вековые ели в них соседствуют с молодыми берёzkами. В лесах тишина, только на сильном ветру шумят, колышатся берёзы и клёны, трещат ветками ёлки. Из чащи порой выходят заблудившиеся косули. Прошлым летом одна такая красотка пробежала по дороге через давно проснувшуюся деревню. С южной и восточной сторон приткнулись к домам два небольших поля, там ищут свою добычу хищные птицы, они долго парят в высоте, а потом камнем падают вниз.

Озеро под горкой – ещё одно место охоты, только за рыбой, её ловят чайки. Утки тоже кормятся в воде. С виду они совершенно спокойно проводят время на поверхности водной глади, совсем как любители плавания, отдыхающие на курорте, но вдруг следует резкий нырок, и уточка появляется из воды уже в отдалении, метрах в двадцати. Всё время крейсирования она напряжённо искала в воде свою жертву и, наверное, её настигла. Поохотившись, утки парами взлетают с разгона и, обязательно сделав крутой разворот, совсем как пара истребителей, уходят на другое озеро. А у нас продолжается медленное течение времени – слышно, как трава растёт.

И люди участвуют в жизни природы, подстраиваясь под неё, принимают неспешный этот ритм. Тут торопятся только сено ворошить летом, пока его не вымочил очередной дождь, да и то, если лето мокрое. Утро начинается раньше всех у Серёги и у Кравченко, коров доить надо, потом скот выгоняют на поле: Сергей - рядышком со своим участком, а младший Кравченко ведёт коров далеко, почти за километр, там их колхозный пай. Потом начинается шевеление и в других домах – воды наносить, еду приготовить, в огороде покопаться, а нет особых дел, так можно дрова поколоть – они в хозяйстве никогда лишними не бывают. Сосед Витя унаследовал в прошлом году дом мачехи своей жены, Тамарки, как звала её Витина супруга, ухаживавшая за ней до последнего. Всё прошлое лето Витя занимался тем домом – гнилые венцы менял, полы перестилал, в основном один, у зятёв работы. Потрудится,

посидит - покурит. Если подойдёшь к нему, то и поговорит с удовольствием. В деревне развлечений мало, поэтому общается народ друг с другом по любому поводу и без повода. Нельзя просто прийти и попросить спички, нужно человеку внимание уделить, обменяться десятком фраз, зачастую ничего не значащих. Тем для разговора хватает - погода, урожай картошки, сена, ягод лесных, рыбалка, а то и просто:

- Ну как?

- «Да никак!» - и так далее.

Людей в Попадьино почти не осталось, поэтому только летом с приездом дачников появляется возможность зацепиться с кем-нибудь за язык прямо на улице. А когда раз в неделю приезжает автолавка – белый ГАЗ с фургоном, то покупатели пользуются случаем, чтобы обсудить все возможные события и проблемы. Получается своего рода импровизированный сельский клуб, в котором водитель (он же продавец) магазина играет роль первой скрипки.

А ведь многие считают, что единственной формой социальной жизни в наших деревнях остаётся старое «сообразим на троих». В Попадьино живет слишком мало народа, чтобы делать далеко идущие выводы, но пьянство здесь, как явление, можно сказать, изжито. Сильно пьющих людей тут нет, хотя раньше, особенно в девяностые, когда колхоз развалился, и работы не стало, алкоголиков хватало, но все они быстро переселились на погост, заливали внутрь что попало. Одни пили, другие похмелялись, некоторые иногда трезвели и завидовали пьяным, а те хмелели всё больше. Упаста и лечь можно было где угодно, главное, чтоб не зимой. Вот картинка из былой жизни Попадьино: лежит под ясенем у нашего нынешнего дома хорошенко набравшийся, несмотря на ранний час, Сашка Ворон и лёжа на гармошке играет, а тут другой Сашка, Голубев или Монах, по отцовскому прозвищу, домой топает. Завидно Монаху, он-то сам трезвый, на бутылку ещё не заработал и никто не налил, а приятель один веселится да под деревом отдыхает, ну, так хоть мораль ему прочитать: «Вот напился и лежит дурак-дураком!» Теперь уже ни того, ни другого нет на этом свете. Доживший до наших дней народ или вообще не пьёт, или не злоупотребляет, во всяком случае, по российским меркам. Коллективные посиделки с крепкими напитками устраиваем только мы, дачники, причём желательно со своим самогоном или настойкой, тут у каждого имеются личные достижения. А что касается остальных, то выпить и закусить деревня собирается лишь на очередных похоронах.

Два года назад казалось, что население Попадьино стало, наконец, растить. Сюда переехала на жительство пара горожан – Сергей (уже второй с таким именем в деревне) и Алиса. Оба – люди творческие, Серёжа делал бижутерию с полудрагоценными камнями, Алиса, художник по своему харьковскому образованию, ему помогала. Они устали от постоянного стресса в городе и искали тишины и спокойствия. Договорились о покупке пустующего дома и переехали со всеми вещами. Первое время им нравилось – у нас есть всё, что нужно для душевного отдохновения – тёмные леса и волнистые, изрезанные холмами, поля, спокойные озёра, пение лесных птиц, стрёкот кузнецов вечерами. Алиса ждала ребёнка, он и родился в конце зимы, первое такое событие в нашей деревне лет за тридцать пять, а то и за сорок. Всё настраивало на оптимистическую волну – новая семья в Попадьино, значит, деревня не вымирает. Только с наступлением холодов восприятие жизни здесь меняется, замирает природа, замирают люди, они реже выходят на улицу, то холодно, то надобности нет. За окном грязь и слякоть или мороз трескучий – не погуляешь особо, а красивые зимние дни в последние годы природа редко дарит нашей земле. Даже выехать в райцентр не всегда возможно – надо самим снег разгребать на последнем куске дороги к дому, немного – метров семьдесят, но работа тяжёлая. Хорошо, избу к зиме ребята отлично подготовили – дрова в достатке, печь вторую поставили, бойлер для горячей воды. Но скучно в зимнем плену сидеть, заходит иногда Серёга-молочник, посидит, чаю попьёт, скажет несколько обрывочных фраз, и весь разговор. К тому же сделка по покупке дома затянулась на неопределённое время, документы на землю оказались не в порядке, переделывание их сулило длительную тяжбу. В итоге, пожив меньше года в Попадьино и родив симпатичную девочку, Сергей и Алиса уехали, оставив хозяйке дома все неотъемлемые улучшения, а нам – приятные воспоминания о добрых соседях. Купили квартиру в трёхэтажном доме в другой деревне и в другой области. Так провалилась демографическая программа деревни Попадьино.

Люди в деревне потихоньку умирают, четыре свежих могилы на кладбище за последние два года. Осталось только шесть постоянных жителей в трёх домах, в остальные летом обычно приезжают дачники. Кто-то появляется на несколько недель, кто-то, как мы, живёт здесь в тёплый сезон месяца два с половиной, дольше всех, с мая по октябрь, задерживаются Люба с Володей. Они уже на пенсии, дети давно выросли, в городе ничто не держит, а тут, в Попадьино, свежий воздух и свои овощи из огорода. Люба ведёт домашнее хозяйство, выращивает огурцы, кабачки, картошку, нам приносит время от времени дары своего хозяйства, Володя – мастер на все руки, занимается

домом и постройками, всем тем, что требует приложения мужского труда, помогает Любे в огороде. Оба постоянно в делах и заботах. Но энергии много, прожив сезонов пять, переняли у местных промышленные способы вылова рыбы, и теперь недостатка в ней не знают. Каждый день часов в семь-восемь утра дружно идут они к своей лодке, сети и ловушки проверять. В деревне им нравится, старший сын с семьёй каждое лето тоже навещает их и включается в трудовой процесс.

Мы купили свой дом в один год с Любой и Володей. Заплатили стандартную цену, по которой в интернете висели десятки подобных объявлений в Псковской области. Правда, формально считавшаяся вдовой Сашки Монаха, последнего постоянного обитателя этого жилища, баба Галя продала его невельскому маклеру за смешные деньги – тысяч за пятнадцать, полторы коровы по местным меркам. «Так, бабка, дом же маленький, всего-то сорок метров, крыша худая, поправлять надо, веранда совсем развалилась!» - убеждал жулик. Галя и согласилась, выторговала ещё право продать на дрова никому ненужный уже хлев, а то, что место волшебное, на редкость красивое, с видом на озеро под горой, с высоким полем за водной гладью, за которым открываются ряды светло-зелёных лиственных деревьев вперемежку с тёмными елями, Галя не догадывалась. Её собственный дом, где она жила отдельно от спившегося мужа, выходит на озеро северной стороной, сделанной, как это часто бывает в деревнях, совершенно глухой, без единого окна – с севера зимой дует холодный ветер. Да и к чему ей эти природные красоты, она их просто не замечала. Родилась здесь, другого не видела, дальше районного центра не ездила.

Зато сейчас мы долго можем сидеть и, как учили древнекитайские философы полностью отдаваться «великой красоте бесконечности». А она во всём. Особенно в закатные часы, когда видишь, как к той многоцветно-зелёной массе деревьев за озером, постепенно снижаясь, медленно подплывает солнце, пересекая тоненькие ряды облаков, вытянутых вдоль линии горизонта. Оранжевый диск светила за считанные мгновения тонет в рядах далёких берёз и сосен, прорезая ярким светом неровные их ряды, и ещё долго отсвечивают солнечные лучи в редких полосках облаков, отчего те приобретают нежно-розовую окраску, переходящую по мере удаления от места падения солнца в красную, тёмно-красную, серую и, наконец, почти чёрную. Потом там, где исчезло солнце, начинает синеть ещё недавно такое оранжевое небо. И постепенно самый светлый, уменьшающийся в размерах, красно-розовый кусочек неба перемещается правее, ближе к северу. Но солнце ведь не уходит на север, взорвят мне. Уходит, потому что, закатившись на западе, оно

должно непременно взойти на востоке и длинные, загребущие лучи его ещё долго облизывают тянущийся к северу горизонт. В такие минуты начинаешь осознавать бесконечную вечность и по-иному ощущаешь жизнь и своё малюсенькое место в ней. Мой друг так выразил это: «В Попадыно у вас очень светлое место. **ОЧЕНЬ**. Я такие штуки очень чувствую. Как и наоборот. Здорово впитывать в себя солнце. Здорово просыпаться вместе с весной. Здорово просто быть... Иногда валяться и ощущать весь кайф **БЫТИЯ!**» Помоему, сказано очень верно.

Купив домик Сашки Монаха, мы сначала попробовали пожить в нём немного, чтобы понять, насколько нас притянет к себе понравившееся глазам место. Поэтому в первое лето заказали строителям только новую веранду вместо развалившейся старой. Приезжали на 5-7 дней, всё нравилось, тогда жена сказала: «Нужен хозблок с водой – неудобно жить, спать и готовить в одной комнате, пусть и просторной». Стали прикидывать размеры пристройки, сколько метров нужно для кухни-столовой, сколько для туалета с водопроводной водой. Идея скромной пристройки быстро эволюционировала, потребности росли, подпитываясь нашей неуёмной фантазией.

- Хорошо бы балкон над верандой, чтобы наслаждаться видом озера, - промелькнуло у кого-то из нас.
- И с нашим мокрым климатом желательно крытый балкон.
- Действительно, неплохая мысль, - решили мы, - но как балкон построить без второго этажа?
- Значит, нужен второй этаж!
- Только для балкона?
- Ну почему же? Нарежем там отдельных спален для нас и для всех поколений детей!

Строить так строить, решили ещё сделать душевую (раз будет вода, надо ею пользоваться), верхний туалет и, конечно, помещение для котла – такой дом печкой не пропотиши. Из старой хаты Сашки Монаха прорубили дверь в новый дом и отвели её под гостей. Всю конструкцию объединил общий второй этаж, получился домина общей площадью метров сто девяносто. В ближайших деревнях таких не было. Как выразился один сосед-дачник, наш дом сильно увеличил капитализацию недвижимости в Попадыно.

В общем, устроились мы тут основательно. Не забыли и про детские забавы, вместе с детьми разровняли небольшое ничейное поле, поставили ворота, теперь можно играть в футбол. Молодёжь едет сюда за пять километров. Набываются человек по восемь в одну обычную легковушку, ведомую единственным совершеннолетним игроком, и вперёд. Один раз даже на лодке приплыли, видимо, катались по озёрам, соединённым протоками и решили мяч погонять. А мячей у наших детей всегда в избытке. Вот и звучат в Попадьино тёплыми летними вечерами голоса юных футболистов – тогда, наперекор всему, деревня молодеет. И не дождутся местные чиновники, записавшие в какой-то программе, что к двадцать пятому году она исчезнет. Им ведь что – баба с возу – кобыле легче, не надо электричество в рабочем состоянии поддерживать, дорогу нашу зимой чистить, газеты по подписке возить. Но Попадьино переживёт, мы постараемся. И будем также, как и сейчас, любоваться с балкона чудесными закатами, особенно прекрасными в начале мая, когда под лучами заходящего солнца заозёрные деревья становятся совсем другими, более разноцветными – берёзы и клёны, чуть подёрнувшиеся весенним лиственным туманом, подсвеченные солнечными лучами ещё больше светлеют, а тёмные ели не поддаются и хранят свой мрачновато-зелёный цвет. Так было, так есть и так будет.

ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, ДЕРЕВНЯ ПОПАДЫНО, БАЛКОН ДОМА №3.
МАЙ 2017

АНИЯ КРАВЧЕНКО

Умерла Ания Кравченко, ещё в августе она горбатилась в своём огороде, доила коров, в короткие часы послеобеденного отдыха смотрела сериал «Пока станица спит», продавала нам и другим городским картошку, огурцы, помидоры и даже домашний сыр. Магазинные твёрдые сыры не выдерживали конкуренции с её продуктом там, в деревне. Мы брали его целыми головками – килограмма по полтора. И цветы, занимавшие у неё чуть ли не четверть участка, всегда были ухожены и прополоты – зайти к ним в дом летом можно только пройдя мимо Аниного мощного цветника, самого большого в нашей деревне. Но не прошло и полгода с нашего отъезда на зимние квартиры, как нам сказали, что Ания умерла, рак. Оказывается, ей уже шёл 77-ой год, а я бы ей не дал и семидесяти. По лицу она вообще могла сойти за шестидесятилетнюю крестьянку.

Ания никогда не болела, во всяком случае я от неё жалоб на здоровье не слышал. В их семье обычно болел Витя, муж. В конце каждого лета я его спрашивал: «Возьмёшься косить моё поле в будущем году?» Витя отвечал примерно так: «Х.. яво знае! Здоровье, б..., очень х...ое, ё... твою мать, до лета яшшо дожить надо, на х...!». Витя в последние годы пару раз лежал в больнице, не в районной, а в Великих Луках, шалило сердце, скакало давление, и ещё на что-то он жаловался. Но в сезон Витя, несмотря на болячки, вместе с сыном Игорем обеспечивал семью и сеном для коровы, и дровами, да ещё круглый год столярничал у себя в мастерской. Ания же никогда не показывала признаков недомогания. Так бывает часто в семьях, болеет один, а умирает другой.

Со смертью Ани в деревне осталось только шесть постоянных жителей, а ещё полтора года назад, пока живы были баба Тамара и баба Галя, жили там девять человек. В начале девяностых – так вообще больше двадцати, а когда-то даже начальная школа имелась. Правда летом население увеличивается человек на двенадцать-пятнадцать, но и то не всё лето, да и среди дачников в последние годы имелись потери. Сначала умер, как звали его некоторые, старый дядя Миша Михельсон (фамилию предки получили по барину), потом восьмидесятичтвёхлетний Ильич, или Мишка Дегель в жаргоне местных. Оба зимовали всегда в столицах вместе с детьми. Ещё жила в деревне баба Зина Михельсониха, двоюродная сестра, кажется, дяди Миши по отцу, а по мужу

Новикова, она не вставала, всё в доме делал так и не женившийся сын, и, кроме него да ещё пары-тройки родственников, навещавших их в тёплые летние дни, бабу Зину никто не видел.

Кравченки, как их тут звали, не вызывали симпатий односельчан. Во-первых, они не местные, приехали из другой деревни. Даже прозвищем деревенским их не удостоили. Там ведь если ты Волков, то Волчок, потому что малого роста, а если Молчанов, значит Малёк, и дети твои взрослые - Мальки, хоть они и вымахали под метр девяносто, здоровенные мужики. Другая причина, может, заключалась в том, что держали большое хозяйство - два дома, два участка, две коровы, старый польский трактор, «жигули» - подарок внука, мелкая живность, да ещё Витина столярка с циркулярной пилой. Деньги тратили обдуманно, жили без машины, пока внук не подарил, а подвернулась возможность - сделали одновременно с нами скважину для воды, заплатив за неё больше ста тысяч. Свой источник надёжней старого деревенского водопровода, который рвётся два раза в год - в семьдесят лет воды не наносишься. Остальные жители довольствовались тем, что есть, и каждый раз ждали, пока водопровод починят, иногда ожидание длилось несколько недель, хозяин трубы - преемник бывшего колхоза никогда не спешил ремонтировать её.

Но главная причина нелюбви соседей заключалась не в относительной зажиточности Ани и Вити. Дело было в другом - в девяностые годы Аня торговала в деревне палёной водкой и, через неё, по выражению другой соседки, полдеревни на кладбище отнесли. Трудно сказать, насколько виновата в том Аня, такой ли уж плохой была её водка. Но деревня пила много всегда, и в советское время, и после, и с Аиной водкой, и без неё. Только при Советах работали колхозы, работали плохо, неэффективно, но работали. Каждый день колхозник шёл трудиться, что-то делал. Хотя на работе тоже пили, но не всегда и не все. На «Беларусь» совсем пьяный не залезешь, не лимузин, трактор с огромными задними колёсами, на них и «сидит» кабина, если кто не знает. Такая жизнь немного дисциплинировала. А в девяностые колхозы развалились, на работу стало не нужно ходить, жили с огорода, кто мог, держал скот, перебивались случайными заработками, ловили рыбу сетями. Аня стала продавать водку, но как-то не разбогатела через это, может, водочное производство помогло чуток расширить хозяйство, да и только.

И пошла безработная деревня быстро спиваться. Когда зятю покойного Ильича сослуживец с Севера привёз канистру спирта, то в шесть утра перед их

домом стояла очередь с алюминиевыми кружками. В окошко постучали, злой Сергей встал, раздвинул шторки:

- Чего?

- Сярожа, болеем!

Серёга чертыхнулся, мысленно поругал себя за вчерашнюю доброту и снова налил каждому.

Кравченки сами не пили, разве что Витя изредка пропустит рюмашку-другую-третью за компанию, да и как тут пить, когда такое хозяйство? Некогда глупостями заниматься. Впрочем, вся пьющая братия до конца нулевых не дожила. Мы там появились в 2009-м, и уже никого не застали, с тех пор до конца пятнадцатого года в деревне никто не умирал, население стабилизировалось, как говорят демографы, но неуклонно старело.

Ещё Кравченков не любили за скучность, картошку и огурцы продавали дачникам по ценам рынка и магазинов райцентра. Правда, продавали они приезжим, а не любили их местные. Лично мне нравилось брать овощи у Ани, тут я был уверен, что картошка своя, для себя и выращенная, набирал её из котомки, которую Аня приносила с огорода в дом для кухонной стряпни. Деньги свои они считали, как же без этого, но бывало и Аня скажет: «А возьмите огурчиков для Ваших мальчиков», и я брал, не стеснялся. Конечно, у соседей с другого конца деревни вообще никогда ни за что не платил, они не берут денег, считают торговлю недостойным занятием. Поэтому я и стесняюсь к ним обращаться, хотя знаю – попрошу, Прасковья (она же Паша для своих) даст сколько надо, да ещё скажет: «Приходи яшшо!».

Даже водитель-продавец автолавки, Василий Иваныч, влиятельное лицо местного бомонда, не жаловал Кравченков, отказывался возить Ане её заказы. Та звонила в райпо, только ничего не помогало, Василий Иваныч имел разговор с председателем, но дальше дело не пошло. «А чаво, она у меня только соль заказывает, если я всем только соль возить буду, на хлеб места не хватит!» Это у ГАЗа, который 4,5 тонны тянет на себе! Ну, воля хозяина автолавки для местных священна, он им лет тридцать продукты возит, сколько старушек зависит от перемен его настроения, до магазина-то далеко, на себе крупы да сахар тащить. А Аня предпочитала всё брать в райпо, там и выбор больше, и продавщицы простые, без фанаберии. А когда машина появилась, так и в город стали ездить.

Правда, сказать, что Аня была совсем уж без пунктиков тоже нельзя. Иногда на неё находило. Что называется коса на камень. Продала она как-то свой второй дом, построенный некогда для младшего сына, так и не въехавшего в него, предпочёл парень город. Сговорились с условием, что документы на участок все оформит, как положено, даже жить пока пустила покупателей, картошку им с Витей посадили – пользуйтесь. А вот с бумагами не заладилось, когда-то землемеры ошиблись, и теперь их оплошность требовалось исправить, иначе две трети земли вместе с баней считались на чужих сельскохозяйственных землях. Началась волокита, купившие дом люди вложились в него и уже готовы были брать так как есть, с тем, чтобы самим потом воевать с чиновниками. Но Аню гордыня обуяла, нет, сама добылось, моё право, моя земля. Да и подружки в соседней деревне нашёптывали: «Смотри, обманут тебя городские – жить будут, а деньги не заплатят, останешься на бобах - хату присвоят, дитё, мол, у них, пропишут его и всё, до совершеннолетия ребёнка». И – пошло, поехало, Аня всерьёз стала думать, что дом отнимут, ведут себя как хозяева, вон печку вторую поставили, а кто им разрешал? Платите деньги или уходите, и печь свою забирайте. Короче, кто знает, что Аня себе вообразила, какие мысли мелькали в её уставшей голове, но условия она создала людям несносные, зимой, когда делать всё равно нечего, ходила к ним как на работу, ругалась, выставляла всё новые требования. Те плонули и уехали, купили жильё в другом месте. А Аня осталась с пустой и ненужной ей избой и перспективой длительной тяжбы лет на пять. Короче, и покупателям своим нервы потрепала не по-детски, и себе, наверное, ещё больше. Возможно, и онкология её завелась на нервной почве...

Так и стоит её второй дом опять пустой, пополнив список невостребованного жилья в деревне. Стоит, как напоминание об Ане, о её глупости, как живой укор. Дом без хозяина живёт плохо, норовит развалиться, то одно оторвётся, то другое. Пока у Вити силы есть, он придёт с Игорем, подлатает, починит, но это пока. Зато подружки были довольны: «Ничего, молодец, – говорили они, – не дала себя этим жуликам обмануть!». А несостоявшиеся обманщики, кроме устрайства второй печи, решили проблему сырости в доме (каждое утро окна стояли все запотевшие изнутри), поклеили обои, сделали нормальную по объёму выгребную яму, переложили канализацию. Изба приобрела в стоимости, только вот покупатели чего-то не толкуются в очереди, да и кому нужен дом без земли? Теперь и расплетать этот клубок бюрократической глупости некому, у овдовевшего Вити дел по горло, а здоровье никудышное, ни к чему ему нервы трепать в конторах. Будет ждать

чуда или не ждать ничего. Деньги ему особо-то и не нужны, а Аню уже не вернёшь. Она на погoste лежит.

Маленькие сельские кладбища в тех краях есть почти везде, даже за околицей самой маленькой деревни найдёшь такой город мёртвых, там лежит гораздо больше людей, чем в селении проживает. И это только похороненные после войны, довоенных могил сохранилось мало. Обычно кладбища хорошо заметны с дороги, иногда она там и кончается, дальше пути нет. У нас всё не так, то, что можно назвать дорогой, проходит в метрах двадцати-тридцати, а само кладбище спряталось в лесочке, недалеко от домов середины деревни, сбоку. Летом посторонний его и не разглядит за пышным одеянием деревьев. Сколько раз приезжие из других мест и особенно из дальних городов, приехавшие в поисках могил своих родственников возвращались на «парковку» у развилки (далее можно проехать только на тракторе) и спрашивали нас, где кладбище. Трудно его найти с первого раза, к нему ведут только две узких извилистых тропинки, вдоль которых растёт земляника. Как туда проносят гробы, я просто не представляю. Оно небольшое, могил сорок-пятьдесят, но видно, что старое, есть захоронения начала прошлого века, потом его то ли забросили, то ли хоронили в три этажа с деревянными крестиками, которые сгнивают за десять-двадцать лет. «Ожило» оно годах в восьмидесятых, появились надгробные памятники, довольно бедные, простенькие, но хоть что-то. Я помню кладбище в маленьком белорусском городке, где похоронены дед и обе бабушки, там народ более основательно подходил к устройству последнего пристанища. В девяностых захоронений сильно прибавилось, в прошлом году, в апреле, туда из Питера привезли Ильича, а в этом и Аню положили. Кто там у нас в деревне следующий, скажи, кукушка?

МАРТ 2017 ГОДА

ИЛЬИЧ

Как-то раз в самое первое лето в Попадьино, когда мы ещё лишь изредка приезжали в наш пока не обустроенный деревенский дом, пошли мы купаться на озеро. Компания составилась немалая - мы с женой, младшие дети, тогда ещё совсем мелкие, и мои старшие мальчики-французы, навещавшие нас в далёкой России каждое лето. Большие искупались, маленькие побрызгались, и все вместе двинулись на гору - домой. А навстречу нам спускается не деревенского вида дама в купальнике с симпатичным кучерявшим ребёнком лет пяти – ровесником нашего Матвея. Ничего особенного, не одни мы приезжаем летом из шумных и суетливых городов в эти благословенные края дремучей тишины. Поздоровались, обменялись дежурными фразами: «Ай, водичка хороша, ну просто тёплый чай!». Двинули дальше, и тут дама позвала мальчика: «Анжело, побежали!». «Анжело?» - в некотором смятении подумал я. Это же итальянское имя. Здесь? Откуда? Или родители так поиздевались над дитём, вырастет, будет Анжело Семёнович, например. Но нет, оказалось, мальчик из самой Италии, там живёт его мама, дочь той самой городской дамы, которую мы встретили у озера. Надо же, на двенадцать домов и двадцать человек, считая отдыхающих горожан, в деревню Попадьино судьба забросила двух несовершеннолетних французов и одного маленького итальянца. Вместе они составляли на тот момент 60% местного детско-юношеского контингента. Такая маленькая Европа в псковской глупи. Выяснилось, что Анжело жил у своего прадедушки и, по совместительству, нашего соседа Михаила Ильича Дегелева. Он очень любил приезжать к деду Мише, но мешала аллергия, начинавшаяся у него от сырости в старой, не топленной всю зиму избе. Потому что Ильич тоже стал почти городским жителем.

Как уже было сказано, в нашей деревне людей немного, некоторые приезжают только на лето, а осенью уезжают на зимние квартиры. Ильич принадлежал именно к этой категории жителей Попадьино. Жена умерла давно, ещё в 98-м году, и с тех пор он постепенно стал сворачивать хозяйство в деревне. Со временем дочь с мужем купили ему однокомнатную квартиру в доме, где жили сами, и вниманием не обделяли. Тем более, что зять Серёжа рано потерял своих собственных родителей, и от старшего поколения у четы Шатихиных остался один Михаил Ильич. Каждую осень он устраивался в своём городском жилище и проводил там долгую питерскую зиму. Зять привозил продукты из магазина для нехитрой Ильичёвой стряпни, дочка Галя

баловала разносолами собственного приготовления. Ильич коротал часы за чтением газет и телевизором, иногда навещал Галю с мужем. Мелкие домашние дела и курение сигарет поглощали остальное время. Покурить он любил на общем балконе этажа, откуда открывался прекрасный вид на Петербург: тонкий шпиль Петропавловки и величественный Исаакиевский собор среди замысловатого переплетенья зданий и улиц. Оттуда даже убогая гостиница «Ленинград» смотрелась как величественный круизный лайнер. Ильич наслаждался картиной, но ничто не могло заменить ему скамейку около веранды деревенского дома, с которой и видать-то только сараи да четыре соседних избы или хаты, как говорит тамошний народ. И дело было не в скромном обаянии сельской улицы и даже не в тишине, прерываемой только птицами. Там, в деревне, он жил у себя, сидел на своей скамейке около дома, построенного своими руками, около яблонь, которые сам сажал вместе с женой. Там он всё знал и всё умел, хотя теперь здоровье и не позволяло воспользоваться накопленным опытом и разнообразными навыками, но в городе он вообще путался в кнопках лифта, забывал где, какие функции у микроволновки. Тут тоже всё было его, но не свое - чужое, принадлежащее какому-то другому миру.

Ильич обычно приезжал в Попадьино в мае. Из Питера поезд довозил его до районного центра, небольшого города с нерусским названием Невель, потом или знакомый подбрасывал до места – всего 9 километров оставалось – или такси подвозило. В деревне дел хватало: вначале привести в жилое состояние дом после зимы, хорошенько протопить его, проверить все другие постройки – баню, два дощатых сарая, металлический типовой гараж – за зиму обязательно что-нибудь оторвётся или отвалится. В саду тоже имелась работа – надо обрезать сухие ветки на деревьях, проредить малину, которая каждый год норовит занять всё больше пространства, хотя бы перед домом сгрести и сжечь старые листья. От высадки картошки и других овощей Ильич быстро отказался – ему они в таком количестве были без надобности, приходилось вызывать зяя с машиной, чтобы привезти урожай в Питер, и запастись им хотя бы на первое время (хранить-то всё равно негде). Сергей приезжал, но всякий раз посмеивался:

- Папа, - похоронив отца с матерью, Сергей стал вслед за Галей так звать тестя, - я, конечно, понимаю, что лучше невельской картошки может быть только самогон, сделанный из неё, но можно я тебя в следующем году ананасами с киви кормить буду, это мне выйдет немного дешевле!

- Серёжа, ну, как же, не бросать ведь, да и что мне эта киви с ананасой, картошечку я сам поджарю, а уж Галчонок из неё и вовсе царское блюдо сделает.

Ильича в молодости много носило по стране, поэтому в его речи местный говор почти не слышался, но произносить некоторые слова на свой манер он любил.

- Папа, я буду покупать тебе только молодую картошку, она теперь у нас круглый год продаётся, ты будешь ею завтракать, обедать, ужинать, заедать чай и то, что покрепче тоже! А ещё её можно в хлеб добавлять, говорят, очень полезно! Продают же зерновой хлеб, почему бы не картофельный?

- Сержик, ну давай в этом году возьмём, всё равно приехали, а в следующем папа только чуть-чуть посадит. Да, папочка? – Галя всегда находила выход из трудных положений. Тем более, что и без картошки всё равно нужно было много чего везти, а место оставалось.

Ильич нехотя соглашался, да и как он мог не уступить дочке, которую всю жизнь называл ласково «Галчонок» или даже «ребёнок», хотя у «ребёнка» по имени Галина Михайловна уже собственный внук имелся.

Ильич вскоре и сам привык к отсутствию огорода, оказывается, без него вполне можно жить. Да и здоровье не давало забыть о возрасте, с годами стало труднее ходить, пошли проблемы со зрением. Дальше автолавки, приезжавшей каждую среду, Ильич уже не передвигался, зато из Невеля по субботам ему привозил продукты на своей «Ниве» бывший Галин одноклассник, Коля. Когда-то давно красивая девочка Галя стала его первой любовью и, несмотря на прошедшие с тех пор десятилетия, Николай, обзаведшийся в положенный срок собственной семьёй, был безотказен и выполнял любую её просьбу. Она, конечно, не злоупотребляла этим, но кто ещё поможет Ильичу починить забор, срубить засохшее дерево и раз в неделю приедет из города с колбасой, консервами, сахаром для самогона и хлебом? Галя с Серёжей зависели от отпуска, и его хотелось использовать не только для выезда в деревню. Поэтому Коля был незаменим. Он, уже сам сделавшись дедушкой, по первому Галинному зову бросал семью, оставлял свои два магазина и нёсся на помощь Ильичу. Такие вот чудеса творит с людьми любовь. Особенно, если она первая.

Но и без Коли Ильич был готов достойно встретить трудности, он сам прибирался в доме, готовил, мыл посуду, топил печь, а в наших краях иногда приходится это делать даже в июле, мастерил по мелочам, пока позволяли

глаза. Кабы не ноги и зрение его деятельная натура нашла бы себе разнообразные занятия. Он бы сам и крышу сарая перебрал, и свой старый «Запорожец» без регистрационного номера, пылившийся в металлическом гараже. А так только продал его за символическую тысячу рублей знакомому мужику помоложе. Тот быстро наладил чудо советского автопрома с задним расположением двигателя, за что в народе его называли танком, и мотался по лесным дорогам, где нет ГАИ. Но самым важным занятием Ильича было самогоноварение. К любому делу надо подходить ответственно, отношение Ильича к процессу приготовления самогона было не просто ответственным, оно было уникальным, поскольку именно это занятие придавало ему самому значимость в глазах других. Стариким надо чувствовать себя полезными собственным взрослым детям. Ведь в своей повседневной жизни они часто зависят от них. Так и Ильич в Питере не был самостоятелен и без Серёжи с Галей не мог управляться сам со всеми бытовыми делами. Зато три-четыре месяца в году, в деревне, Ильич не только избавлялся от этой зависимости, но и обеспечивал всю семью ценным напитком на целый год. А когда посчитали, что проще возить аппарат на зиму в Питер, то это занятие стало скрашивать его долгие зимние вечера. Поэтому роль «папы» в организации семейных и дружеских празднеств в семье Дегелевых - Шатихиных переоценить трудно. Ведь никакого другого крепкого алкоголя на стол не ставили и не употребляли (за исключением привезённых друзьями из разных стран сувенирных напитков). Самогон «от папы» наливали всем без исключения гостям, а среди них встречались и артисты, и чиновники высокого ранга. И даже те, кто вначале отнекивались из-за предубеждений, ссылаясь на несуществующие болезни, вскоре уже не стеснялись принимать бутылочки «от Михаила Ильича» в подарок. Галя только всегда просила вернуть пустую бутылку, ведь, по понятным причинам, тара, особенно красивая, в их семье всегда была в дефиците.

Для приготовления самогона Ильич выбирал день, когда его никто не будет беспокоить. Он так и говорил: «Завтра буду варить». Это означало, что лучше к нему не заходить. Только один раз, после неоднократных просьб, меня допустили до этого действия. И я получил сильное впечатление. Стоило посмотреть и на устройство, и на самого Ильича. Когда я пришёл, Ильич следил за работой своего аппарата. Я поразился изменениям, произошедшим с моим соседом. Он весь преобразился – из восьмидесятилетнего старика, с трудом передвигающего ноги, он превратился в оператора не иначе как атомного энергоблока. Движения его были точными, размеренными, речь чёткой, отрывистой, мысли логичными и последовательными. Важность

происходящего не могла укрыться от постороннего взгляда. Он был на своём рабочем месте или даже на боевом посту! Ильич руководил работой целой производственной линии!

Изготовление самогона представляет из себя настоящий технологический процесс. У Ильича он выглядел так: в большой кастрюле на плите кипела брага, пары по трубочке поднимались до горизонтальной части в некое подобие змеевика, заключённого в цилиндрический металлический кожух, вроде того, что имел легендарный пулемёт «Максим». Надо сказать, что всю конструкцию Ильич сделал сам, среди его многочисленных специальностей и умений имелась и квалификация сварщика. Поэтому вместо спиралевидного змеевика он взял просто трубочку подлиннее и кожух сделал соответствующий. При помощи гибких шлангов подсоединял его к водопроводному крану, и процесс конденсации горячих паров спирта шёл на внутренних стенках трубы – вокруг неё текла проточная, холодная вода. Никаких манометров, термометров – всё делалось на глазок, Ильич следовал выработанной годами интуиции, надо – прибавлял огня, надо – сильнее открывал кран с водой. Ильич, в отличие от большинства жителей Попадьино, довольствовавшихся уличной колонкой, в своё время позаботился о том, чтобы к дому был подсоединен деревенский водопровод. Не иначе, как, главной причиной подведения воды в избу явилась необходимость охлаждать горячие спиртовые пары, ведь даже уборную он не стал переделывать, оставив обычную дощатую будку с ямой. Корове тоже можно наносить воды в стойло, а вот самогонному аппарату – трудно. Пройдя по заменителю змеевика, драгоценный продукт капал в ёмкость, где некоторое время отстаивался. Самогон получался превосходного качества. Первый глоток, правда, не вызывал большого энтузиазма, казалось, что жидкость сильно отдаёт плохой водкой, но уже со второй рюмки это ощущение терялось, оставался только вкус ароматного и в то же время бесконечно деревенского напитка. В общем, первая колом, вторая – соколом. Не говоря уже о мужчинах, многие женщины, обычно не употреблявшие водку даже в полевых условиях, не отказывались от нескольких стаканчиков этого волшебного эликсира. За неординарность вкусовых качеств мы назвали продукт «Ильичёвкой».

Магазинной водки Ильич не признавал, вино и пиво тоже не уважал, ценил только свой продукт, но и им не злоупотреблял. «Да что ты это вино всё пьёшь, нету в нём вкуса никакого! – говорил он Гале, – Выпей лучше моей!» Два мерных стограммовых стаканчика вечерком, наполненных по самый край, составляли его норму. Иногда, по случаю приезда Гали с Серёжей, или прияя в гости к нам, за компанию («Владимирыч, ну давай ещё по одной!») он мог

выпить значительно больше. При этом никогда не терял контроля над собой и всегда самостоятельно добирался до дома. Лишь на следующий день выдавал себя признанием: «Вчера я был никакой!». Ильич умел шутить, в том числе над самим собой.

Общение с людьми придавало ему сил, он прожил интересную жизнь, и ему было что рассказать. Пацаном встретил войну, его отца из-за стрижки «под Котовского» немцы, зачищавшие деревню от прятавшихся окруженцев, отправили на «Жидов луг» - большое поле неподалёку от их края послания, где уже сидела, лежала, стояла огромная масса бойцов Красной Армии. Немало местных мужиков составило его отцу компанию, их не успели призвать наши, и вот они, без вины виноватые, попали в место, откуда верная дорожка в концлагерь. Но деревенские бабы как-то уговорили охранников отпустить своих мужей, то ли салом с самогоном, то ли ещё как, теперь об этом уже никто не знает. Потом девятилетний Миша с мальчишками постарше стрелял из найденного в лесу оружия, брошенного солдатами перед сдачей в плен. Наводили страх даже на взрослых, и местный полицай не требовал, а уговаривал ребятишек сдать оружие, пока немцы не заберут силой и не спалят все дома в наказание. После освобождения тоже не обошлось без ненужных казусов - из леса, где пережидали бои, пришли в свою хату, обрадовались что стоит, пусть пустая совершенно и без пола. Переночевать отправились к родственникам в соседнюю деревню, рассчитывая за следующий день соорудить временные лежанки и протопить печь. Наутро увидели лишь одну печку, избы и след простыл – какая-то тыловая часть за ночь разобрала пустовавшее строение для сооружения конюшни. Долго пришлось маяться по землянкам и чужим домам, пока не отстроились. После седьмого класса Миша Дегелев уехал учиться в школу ФЗО в Белоруссии, потом служил в армии, возил хлеб на целине, наконец, вернулся в колхоз, женился на своей ровеснице, построил добротный дом с бетонным подвалом и завёл хозяйство – сад и огород соток на сорока, корову и домашнюю птицу. Всю мужскую работу делал своими руками, потому что умел, вырос в деревне, когда один не мог осилить – звал на помощь младшего брата или отца.

Ильич в своё время построил и нашу избу, вместе с Сашкой Голубевым, который и поселился там с молодой женой. Может, ещё поэтому Михаил Ильич любил заходить к нам, посидеть в тёплые летние дни на террасе и выкуриТЬ там своей *табаки*, поговорить с моим отцом, рассказать свои истории, послушать наши. Живая и энергичная его натура не переносила вынужденное безделье, а поход в гости, пусть всего за пятьдесят метров для

общения с соседями, был целым мероприятием, по случаю которого Ильич мог даже приодеться.

Мы познакомились с ним летом десятого года. Только-только стали осваиваться в купленной у вдовы давно спившегося Голубева избе, приезжали наездами, поездом или на машине, на несколько дней. В самый первый приезд обнаружилось, что не позабыли о наличии спичек, а до магазина два километра пешком (автомобиль остался в Питере). Я послал пятилетнего Матвея в соседний дом – там в окне горел свет. В деревне так делается, можно при необходимости и за водкой ребёнка отправить, все друг друга знают – раз пришёл с такой просьбой – значит, родители послали. По присущей мне некоторой щепетильности наказал ему попросить спичек только для того, чтобы разжечь огонь и потом вернуть коробку. Но сын прибежал обратно со словами: «отдавать не надо!» Спички, конечно, мелочь, но на тот момент Ильич меня даже не видел, ребёнка послать вместо знакомства это уже наглость, но, видать, мы крепко увязли в обустройстве хозяйства, что я пошёл на такой шаг. Поэтому закончив первоочередные дела, я решил нанести визит вежливости, на всякий случай захватил коробку спичек, которую Ильич, конечно, назад не взял. Меня встретил довольно бодрый, плотного телосложения старик (ему тогда шёл семьдесят восьмой год), выше среднего роста с редкими, коротко стриженными седыми волосами на голове. Широкая, крестьянская кость и натруженные крепкие руки говорили сами за себя, за спиной у нашего нового знакомого остались годы тяжёлого физического труда и непростая жизнь колхозника. И только глаза искрились если не молодостью, то жизненной силой отнюдь не старого человека. Это были глаза не старика, которым Ильич внешне выглядел, а человека, сохранившего в душе и юношеский запал, и энергию, и не подвластный никаким годам интерес к женщинам.

В последнем однажды пришлось убедиться. В следующем году с нами в Попадьино приехала подруга жены. Как-то сидел я с ней на скамейке за вкопанным в землю деревянным столом, которые нам соорудили местные умельцы, прямо напротив Ильичёвой усадьбы, пили чай на солнышке. Из калитки своего двора вышел Ильич и направился к нам. Рассмотрев рядом со мной молодую женщину (зрение это позволяло ему сделать только метров с пяти-семи), он тут же буквально расплылся в широкой, во всё лицо, улыбке, адресованной, конечно, не мне, и уже не отводил взгляд с «предмета». Я не обиделся и стал их представлять друг другу:

- Настя, - сказал я, протянув руку с раскрытой ладонью в ту сторону, где сидела наша гостья.

Ильич продолжил процесс знакомства, даже не дожидаясь моего жеста в его сторону, хотя городские манеры прекрасно освоил за долгие зимы в Питере на дружеских посиделках у дочки с зятем.

- Михаил, - произнёс он, растянув улыбку на пол-лица, совсем как голливудский актёр, не сводя глаз с объекта, и протянул руку лодочкой (попробовал бы он деревенской тётке так выставить свою пятерню, наверное, его бы приняли за совсем выжившего из ума старика!)

- Ильич, - добавил я, смущённый излишней, как мне показалось, скромностью соседа, ведь наша приятельница по возрасту могла годиться ему даже во внучки, - Михаил Ильич.

Но при этом я заметил, как Ильич слегка изменился в лице после моего вмешательства в процедуру представления молодой симпатичной женщине, но особого значения этому не придал. Далее последовал ни к чему не обязывающий обмен любезностями и новостями о погоде. И лишь когда наш сосед ушёл, Настя укоризненно посмотрела на меня и сказала:

- Вот, испортил человеку настроение. Ты зачем влез с этим отчеством! Видел бы, какие бл...ские глазки представлялись Михаилом! А как ты про отчество вспомнил, огонёк сразу и потух.

Оказывается, в Ильиче ещё мог проснуться ухажёр. И действительно, почему нет? Человек в здравом уме и в восемьдесят лет должен сохранять интерес ко всему тому, что волновало его в течение всей жизни. «Кто бы спорил?» - как любил говорить Михаил Ильич, принимая предложение пропустить по рюмке.

Несмотря на почтенный возраст нашего соседа и то, что называют вредными привычками, мы не замечали у него никакого увядания организма или угасания сил. Ильич как бы законсервировался, каким он был при первой нашей встрече, таким и оставался. Да, он с трудом ходил, да, один глаз у него почти ничего не видел, но другого Михаила Ильича мы и не знали. Он никогда не жаловался на болезни, разве что посетует на проблемы с ногами. Да и как можно было с ним говорить о болезнях? Ильич предпочитал другую сторону жизни – он любил её весёлую часть – шутил сам, смеялся над чужими остротами, рассказывал забавные истории. Возможно, упорное нежелание говорить о своих «болячках» (а они у него, конечно, имелись в наличии) и

делало его более жизнестойким, более бодрым, помогало самому управляться в доме. Ильич мог и гостей к себе позвать! Однажды нас удостоили такой чести. К нашему приходу он прибрался в доме, стол накрыл в «зале», угождал жареной картошкой с грибочками, капустой и другими местными разносолами. Весь ужин Ильич неспешно развлекал разговорами и рассказами про деревенскую жизнь в Попадьино в былые годы. Благодаря ему, мы начали представлять себе настоящие картины попадьинского быта и в воображении явственно вырисовывались образы людей, живших здесь до нас. Конечно, за разговором не забывали о еде-питье: самое почетное место на столе занимала, естественно, «Ильичёвка». Она имела большой успех. Даже моя жена, поначалу всячески сопротивлявшаяся самой идее её пить (мы все читали художественную литературу и полагали, что, кроме мутной сивухи, иной самогон в деревнях встретить трудно), и в первый раз пригубившая только из уважения, теперь ни о чём другом и слышать не желала, если подавали дистиллят нашего соседа. Да и как можно было отказать этому старику, когда он, призвав на помощь всё своё природное обаяние, слегка жалобным голосом начинал уговаривать: «Ну, Юленька, давайте немножечко, а то нам скучно без женского общества бутылочку уговаривать!» В отличие от остальных деревенских знакомых, которые, обращаясь к нам, кроме обычного имени придумать ничего не пытались, Ильич демонстрировал, как говорят учёные люди, дифференцированный подход. Я у него был «Владимирыч» - и на «ты», или «Ванечка», тогда чаще на «Вы», так он соблюдал некий баланс, причём с «ты» мог легко перескочить на «Вы». А вот мою жену обычно звал «Юленька» и почти всегда на «Вы». Дамский угодник в нём не умирал никогда.

Казалось, Ильич – это обязательный атрибут Попадьино и неизменный участник наших застолий. Но однажды летом он не приехал. Потом выяснилось, что Серёжа не смог вырваться с работы, чтобы отвезти тестя, а на поезде Ильич ехать отказался. Зрение ухудшалось, и он остерегался сделать неловкий шаг в ночном вагоне, где всегда царит полумрак, а выйти покурить «табаки» ой-как хочется. Такие случаи стали всё чаще, и время от времени Сергей-молочник, зная о наших дружеских отношениях с Ильичём, спрашивал меня: «Ти прыедя у г(х)этым г(х)оде Мишка Дяг(х)ель?» По нашему молочнику можно составлять словарь местного диалекта, хотя мужик он не старый. Серёга моложе Ильича лет на тридцать пять, но в деревне так уж повелось. Коли мать, Ильичёва ровесница, говорит Мишка, то и сын будет за глаза так называть.

В последний раз Ильич появился вместе с Серёжей и Галей всего дней на десять. Мы очень обрадовались их приезду. Накануне, играя с детьми в

футбол, я вывихнул ногу и еле доковылял до остановившейся около нашей террасы серебристой машины.

- Ну вот, Ильич, теперь Вы, по сравнению со мной, просто мастер спорта по спортивной ходьбе, - пошутил я.

- Ой, Владимирыч, а что с тобой случилось? – местное твёрдое «ч» всё же иногда проскальзывало в речи соседа.

Когда я вкратце рассказал о своей беде, в разговор встярал неисправимый хохмач Серёжа:

- Зато теперь из вас двоих можно одну футбольную команду сделать - «Попадынские гончие псы», например.

После двухлетнего отсутствия они долго приводили в порядок дом и участок. Потом Галя перестирывала постельное бельё, а Серёжа с Ильичём взялись поправлять фундамент бани. Один раз я их застал за этим делом. С одной стороны земля перед баней была раскопана, и Сергей перебирал ленточный фундамент.

- Молодцы, какой фронт работ развернули! – вместо приветствия сказал я.

Серёжа ухмыльнулся и ответил:

- А мы давно на «Вы»? – Ильич стоял рядом и явно оказывал только теоретическую поддержку начинанию, куря свою извечную «табаку».

В тот приезд стало заметно, что он сильно сдал – стал хуже ходить и видеть. Но на его жизнелюбии и участии в соседских застольях это никак не отразилось. Когда мы собирались у него во дворе отметить их приезд в родные пенаты, то по количеству употреблённой внутрь «Ильичёвки» он совсем не отставал от более молодых партнёров по праздничному ужину и сидел с нами до упора, не пытаясь сослаться на возраст и болезни. «Нет, Ильич ещё на свадьбе Анжело погуляет!» - думал я про себя.

Но жизнь его уже висела на волоске. Сначала они втроём перенесли тяжелейшую форму гриппа. Все попали в больницу, но Галя с Серёжей быстро встали на ноги, а вот Ильич никак не шёл на поправку, и из реанимации его выписали практически прямо домой – умирать, лечебные учреждения не любят портить себе статистику. Галя ухаживала за ним, но Ильичу лучше не становилось, он лежал дома, без движения, весь бледно-серый, и лишь иногда заговаривал с дочкой. Однажды он не выдержал:

- Галчонок, а налей мне стаканчик, хуже не будет, так хоть удовольствие получу!

Галя не возражала, она в душе уже начинала смиряться с неизбежным. Только на следующее утро произошло чудо - Галя увидела порозовевшего и повеселевшего отца. С того дня дело пошло на поправку. Трудно сказать, какую роль в выздоровлении Ильича сыграл стаканчик самогонки собственного производства, но факт остаётся фактом, похоже, именно он явился тем катализатором, который дал стартовый толчок организму, и тот стал выкарабкиваться. «Ильичёвка», оказывается, ещё и животворящая, если употреблять в меру!

Ильич умер ровно через год, опять зимние хвори сильно ослабили здоровье, опять грипп, опять осложнения, на этот раз в виде двустороннего воспаления лёгких. В больнице «Ильичёвку» не давали. Его отвезли на маленькое кладбище рядом с родной деревней, за 500 километров от Питера. Там он и покоится. А Галя с Серёжей большую часть года проводят в Италии, где у них дочь и внук, в Питере их почти ничего не держит – Серёжа уже не работает. Теперь они пьют терпкое тосканское вино, но, наверное, иногда им хочется пропустить стаканчик «папиного». Самогонный аппарат простояивает в городской квартире, а в Попадьино одиноко и печально хиреет изба с цифиркой «6» на деревянной табличке, невидящим взглядом смотрят на внешний мир через заколоченные ставни его глаза - окна, чахнет когда-то обширное хозяйство Ильича. Непогода заливает косыми дождями постройки, ветер треплет их уставшее дерево. Всегда первая даёт слабину крыша – буря сорвала два листа шифера с бани. Нараспашку открыта дверь старого сарая – никто туда не влезал, ничего нет внутри, кроме старого хлама, отворилась сама, разошёлся дверной проём. Другой сарай трещит по швам. Хозяева не навещают свою усадьбу уже два года. Пока был жив Ильич и приезжал на лето, был присмотр за хозяйством, а теперь и его нет. Нынешним летом Галя с Серёжей обещают заняться родительским домом, но что выйдет из этой затеи – неизвестно. Почему-то кажется, что без Ильича дело не пойдёт. И не потому, что он им сильно помогал советами опытного человека и мастера на все руки в былые времена. Нет, просто без него их деревенская жизнь теряет смысл, лишается стержня, на котором держится всё. Дерево, у которого подрублен ствол, начинает сохнуть и может умереть. Как бы такая судьба не стала участью дома, что ещё напоминает об Ильиче. Ведь недостаточно хотеть, уметь и иметь материальную возможность сделать что-то. Нужно просто быть, быть на своём месте, испытывать к нему притяжение. Вот Ильич там

был, это было его, а у Гали в Италии дочка и ласковое южное солнце. Мне редко хочется, чтобы я ошибся, но это как раз тот случай.

АПРЕЛЬ 2017 ГОДА

МОЯ БАШНЯ (CHÂTEAU D'EAU)

Когда покупали дом в деревне, башня сильно смущала своим видом. Местами полностью ржавая, местами с большими пятнами облупливавшейся алюминиевой краски, некрасивая, как большинство советских водонапорных башен, она сильно портила вид слева, если смотреть с фасада дома. А ведь было понятно сразу, что именно с той стороны мы построим террасу и устроим значительную часть нашего летнего быта. Как ни использовать такую красоту - перед нами метрах в восьмидесяти лежало небольшое озеро, за ним, на высоком берегу, поле и перелески из лиственных и хвойных деревьев - даже цвета у них разные - 100 оттенков зелёного. В ясный летний день вечером солнце падает прямо в эти ряды зелени, то светлые, то темноватые, то в совсем сумрачные очертания высоких елей. Но ёщё темнее озеро, на него последние лучи света уже не могут упасть, - заслоняет высокая горка. И вот эта красота мгновенно улетучивалась, стоило только бросить взгляд чуть левее, где на фоне небольших домиков возвышался мрачный ржавый исполин.

В городе Пскове в честь первых побед Красной Армии в конце шестидесятых годов установили памятник в форме красноармейского трёхгранного штыка, увеличенного в размерах в сто раз, - получилось 47 метров. В детстве мне нравилось - это был вид из моего окна, да и сейчас впечатляет, когда проезжаю мимо. Водонапорная башня в деревне немного походила на гранату, тоже примерно в 100 натуральных размеров. Но в отличие от устремлённого вверх, элегантного в чём-то, бетонного штыка, наш деревенский «памятник» грязно-рыжего цвета с вкраплениями серо-чёрного был похож на гигантский обрубок металлолома, и спорная с эстетической точки зрения ассоциация с гранатой её никак не спасала. К тому же такая ржавая конструкция имелась почти в каждой соседней деревне, то есть даже на оригинальность она претендовать не могла.

Одну радость для души приносило сооружение - когда на его верхушке обосновывались в сезон аисты. Прилетал самец, отгонял конкурентов, бывало, дело доходило до настоящих воздушных боёв. Потом, после внимательного изучения окружающих посадочных площадок, совершила свой выбор и подсаживалась к нему самка. Пара устраивала гнездо из остатков прошлогоднего, собирала в округе недостающий материал, затем самка садилась высиживать яйца, лишь иногда покидая гнездо, а глава семьи таскал ей и птенцам еду в своём зобе. По аистам можно было проверять часы, во второй половине июля самец возвращался без пятнадцати одиннадцать, когда

солнце уже село. Но время постепенно сдвигалось, следя за солнцем, подрезавшим с каждым кругом дневное время на пару минут. Пропустить возвращение аиста сложно, подлетая, он начинает громко щёлкать клювом, извещая подругу о своём приближении. Та тоже несколько раз издаёт подобные звуки в ответ, выгибая длинную шею и запрокидывая клюв чуть ли не за спину. Затем самец садится, выдвигая вперёд и вниз свои растянутые на добрых полметра тонкие ноги, раньше примерно так самолёты, задирая нос, выпускали шасси перед посадкой. Происходившее параллельно щёлканье клювами может означать и радость встречи, и обмен новостями. Оно походило на стук двух деревяшек друг о друга – ну прям ансамбль ложкарей.

Кроме аэродрома для аистов башня наша имела ещё одно немаловажное функциональное значение – являлась частью системы деревенского водоснабжения. Она давала напор в единственную сохранившуюся колонку и в три дома, куда в своё время хозяева не побоялись провести водопровод – лишняя влага в бревенчатых домах не всеми приветствуется. Возможно, система когда-то питала водой ферму, расположенную метрах в трёхстах от края деревни. Но ферму давно забросили, и к моменту нашего там появления стометровая скважина с насосом, водопровод, и башня высотой с трёхчетырехэтажный дом снабжали водой только десяток постоянных жителей Попадьино да ещё стольких же летних дачников.

Сложная и затратная инфраструктура для такого малого числа потребителей. Давно выработавший ресурс насос постоянно ломается, из положенных в восемьдесят седьмом году с нарушениями всех технологий старых, проржавевших труб вода просачивается в землю, а то и вовсе прорывает металл. Когда дырочка образовывается небольшая, напора из огромной башни хватает для того, чтобы из колонки шла тонкая струйка. Только включать старый уставший насос приходится каждый день. Место прорыва легко находят по небольшой луже на земле, не исчезающей даже в сухие жаркие дни. Хуже, если выходит из строя насос, тогда надо ждать пока «управляющая компания» в лице жалкого подобия когда-то крупного колхоза привезёт электрика и запчасти. Иногда ждали по несколько недель, а то и месяцев. Держалась лишь одна башня, но и её постепенно «съедала» ржавчина.

Если вода не текла из колонки, жители деревни ходили за ней в родник к озеру, потом тащили на себе в гору тяжеленные вёдра. Мы тоже думали подключиться к этому чуду деревенской цивилизации, но кто-то вовремя отговорил, в итоге теперь в отсутствие воды местные могут брать её у нас,

правда, стесняются нарушать наш дачный покой, и тут никакие уговоры не помогают.

Идея покрасить башню пришла как-то неожиданно. Всякому делу – свой черёд. Два года нам ремонтировали старый дом, подводили тепло и воду, расширяли дачу так, чтобы хватило места всей семье (а это семья человек в максимальной комплектации). Кроме того, подумали и о гостях, их тоже надо уложить спать в комфортных условиях. Конечно, работу делали другие люди, но наши нервы и время тоже тратились без счёта. Одних только деревянных обрезков я собрал или откопал столько, что хватило бы на полный кузов маленького грузовика. А ведь с ними ещё нужно было что-то сделать - сжечь не нужные, сложить куда-нибудь пригодные для дела. Короче, после долгожданного ухода строителей целое лето приводили в порядок участок и дом.

И вот однажды, разбирая прошлогодние фотографии в компьютере, я подумал, а почему бы не покрасить башню, ну хотя бы нижнюю часть, уж больно страшно она выглядит. Всё вокруг такое живописное, даже старые деревенские сараи с продавленными и зияющими дырами крышами вполне вписывались в наш пейзаж, придавая ему особый колорит. И только ржавая башня-обрубок нелепо торчит среди пасторального окружения. Идея показалась заманчивой, пусть и вряд ли осуществимой в полном размере. «Ну, покрашу низ, хуже-то не будет», - решил я.

Наступило лето, а с ним и дачный сезон, в последних числах июня приехали в деревню. Башня красивей не стала за прошедшую зиму. Только семья аистов, как и положено, украшала верхушку. Дело предстояло нелёгкое – даже если красить лишь нижнюю секцию, нужно шкуркой пройтись по старой краске, снимая её там, где она отваливалась, потом только красить в два слоя. Хорошо, в наше время можно найти краску, которая одновременно и грунтовка, и против ржавчины, и собственно цветное покрытие. Конечно, в районном центре выбор колера оказался небольшим, радовало, что сама краска по металлу три в одном имелась по местным меркам в неограниченном количестве, то есть на башню хватало с лихвой. Иначе бы пришлось ездить в южную столицу Псковской области – город Великие Луки, причём все три-четыре раза – именно столько докупал я краску. Ведь у каждого красильщика свой расход сырья. А извечное стремление к совершенству методом подкрашивания? Тут надо добавить краски, тут третьим слоем пройтись, а тут вообще не планировали, но надо, вот так и ушло несколько вёдер краски (женщины, вам это ничего не напоминает?).

Башня состоит из трёх секций, каждая высотой не меньше метров двух с половиной, последняя, утолщённая, где и находится, собственно, резервуар с водой, ещё выше. Принялись за низ, помогал десятилетний сын, но я позвал из соседней деревни Витю-алкаша, пусть лучше человек заработает на водку, чем покупает палево по дешёвке. Витя в советское время в колхозе работал на бензовозе, зашибал хорошую деньгу, и халтурой, наверное, обижен не был, тогда, видимо, и начал спиваться. В эпоху покраски башни в колхозе оставалось только несколько тракторов и машин, какие тут бензовозы. Витя перебивался случайными заработками – тому сена поможет накосить, той – дров наколет, плюс своя картошка. Подхалтурит – выпьет, на следующий день приходил, слёзно умолял налить, «иначе мне хана», – кричал. Один раз чуть под колеса не попал, пытаясь на ходу выпросить у меня полтинник. Но когда трезвел, был вполне нормальным человеком, работу выполнял тщательно, не сачковал. Вот с ним и договорились, на следующий день – как штык, стоит под окном. Готов к бою.

Правда, Витя оказался робким на высоте. Самый низ шкурить и красить – ничего, а вот на лестнице стоять боится, то лестница ему не та, то башня слишком круглая. Я плонул и, когда Витя попросил третью по счёту штурмтрап, а красилась всего лишь нижняя часть, полез сам. Витёк, как ушёл довольный своим дневным заработком, так я его больше и не видел на объекте. Видать страх бывает сильнее желания промочить горло. Низ сделали быстро, только второй слой остался на следующее утро, нетрудное дело совсем оказалось.

Теперь нижняя часть башни сияла багрово-коричневым цветом. Он неплохо гармонировал со ржавчиной, если мы именно такого результата стремились добиться, то можно было считать цель достигнутой. Только это почему-то не радовало. На фоне равномерно покрашенной нижней секции, разномастная, с неровными пятнами окиси железа на фоне маленьких островков серого цвета, поверхность остальной конструкции выглядела ещё более страшно, чем раньше. «Не знаю, хватит ли меня на самый верх, но середину я покрашу», – сказал я жене и самому себе, в первую очередь.

Середину красить, конечно, значительно труднее. Высокая лестница шаталась и норовила упасть, увлекая маляра вместе с собой. Никакие подложенные кирпичи не помогали добиться ровного, твёрдого основания под лестницей – башня сама «вырастала» из маленькой насыпной горки. Верх лестницы скользил по металлу обшивки при малейшем крене, норовя уехать в сторону и вниз. Пару раз приходилось спрыгивать с падающей лестницы.

Самое плохое – высоты не хватало, даже вставая на предпоследнюю ступеньку, с огромным трудом удерживая равновесие и рискуя завалиться с трёхметровой высоты, я по-прежнему не доставал до утолщения башни. Пришлось сооружать две конструкции из длинных палок - одну для шкурки, на другую насадил валик. Валик на длинной жердине было крайне неудобно раскатывать в стандартной ванночке для краски, а каждый раз снимать и плотно надевать его оказалось нереально, съёмность «проект» удлинителя рук не предусматривал. К счастью, в сарае у соседа Михаила Ильича нашёл большую металлическую ёмкость в виде половины разрезанного вдоль цилиндра с достаточно пологими краями, на которых легко размазывалась краска валиком. У ёмкости имелось отверстие для слива, но я его залепил пластилином. Большая и удобная ванночка была готова – ванночка Ильича, назвал я её.

Стоя на хлипкой конструкции с длинной палкой-копьём качественно ржавчину не ошкуришь, валики и кисточки на шершавой поверхности выходили из строя с неимоверной скоростью. Хорошо, они продавались в магазине за соседней деревней. «Вы что там, все старые сараи решили покрасить?» - спрашивала удивлённая продавщица. Не помогала и погода, каждое утро после обязательного заплыва в озере я шёл на башню, как на работу, но её прерывал малейший дождик и не только он. Когда соседка где-то за деревней включала насос и сооружение наполнялось холодной водой из скважины, оно покрывалась конденсатом, не проходившим за полдня даже на жаре.

Наконец и второй ярус башни был покрашен в два-три слоя, жёлтая краска, выбранная для него, требовала больше усилий – ржавчина просвечивала сквозь неё. Благодаря недетскому количеству израсходованной краски и ценой жизни десятка валиков удалось даже скрыть огрехи ошкуривания. «Может, хватит?» - спросил я сам себя. Действительно, башня, окрашенная на две трети, выглядела уже куда презентабельнее, нежели раньше. Красно-коричневый низ синей полоской отделялся от весёленькой, жёлтого цвета середины. Ярко-жёлтые тона её притягивали взгляд и отвлекали от ржавой вершины. Но неужели я мучился, балансируя на лестнице, ради того, чтобы лицезреть незаконченную работу, чтобы бросить всё в ту минуту, когда окончание трудов уже выглядывало из-за горизонта? Нет, было затрачено столько усилий, что просто не представлялось возможным оставить так, как есть, требовалось завершить работу. Но как? Ни одна лестница в деревне не доставала и до середины башни. Можно сколотить сложную конструкцию, рискуя рухнуть с неё и сломать себе, в лучшем случае, ногу или

руку. Или построить настоящие строительные леса, а это материал и время. Проще оказалось вызвать из райцентра автovышку и, стоя в её люльке, доделать работу. Недешёвое удовольствие – тысяча рублей в час, но отступать было поздно, позади почти две недели эпопеи и любопытные глаза двух деревень. Наверное, ещё чуть-чуть и начали бы делать ставки – докрасит - не докрасит.

Решение принято, но надо предварительно обследовать подступы к башне. Посмотрел – машина может подъехать с любой стороны. В назначенный день, в девять утра появилась автovышка. Шофер вышел, посмотрел, мысленно покрутил пальцем возле виска – совсем сдурели городские, и начал поднимать вышку. Специально выбирали день без дождя, работа спорилась. Только махать рукой, перевешиваясь корпусом из люльки, 5-6 часов подряд без остановки – занятие довольно тяжёлое. Платить лишние деньги за простой техники тоже не хотелось, поэтому заблаговременно договорился с соседом-дачником, чтобы на часок подменил меня в должности красильщика-высотника. Он не подвёл, более того, другой сосед, осознав ситуацию, тоже предложил помочь. Но я не стал делиться славой со всеми, башня – это моя страда, мой трудовой фронт, значит, и горбиться мне.

А она на глазах приобретала другой вид, вот уже полностью покрашена с фасадной стороны, вот – со стороны дороги, дело двигалось. Настроение приподнятое. Нервничали только аисты. Мало того, что у них уже столько дней воняло чем-то отвратительным, так ещё теперь у самого гнезда копошатся. Наверное, мне повезло – у них в тот год не было птенцов, то ли Бог не дал, то ли вороны склевали яйца, пока мама отлучалась в полевой французский ресторан с лягушками от Господа-Бога. При наличии молодой длинноклювой смены конец эпопеи с покраской мог бы стать менее жизнеутверждающим. А так всё прошло как в кино со счастливым концом – водонапорная конструкция окончательно окрасилась в красно-жёлто-синие тона. Я, усталый, но удовлетворённый плодом своих трудов, вылез из люльки, рассчитался с водителем и пошёл в дом, обедать. За обедом пропустил два раза по сто – заслужил. До сих пор доволен тем, что довёл покраску до конца, то есть до самого верха. Совсем как в одном известном фильме: «Не скажу, что это подвиг, но что-то героическое в этом есть».

Французы называют водонапорные башни шато до (*château d'eau*), водяной замок, замок воды. В этих словах чувствуется уважение к сооружению. Они имеют самые разные формы, и иногда похожи или на грибы с плоской сверху шляпкой или на межпланетные станции (в зависимости от предпочтений).

Наша башня повторяет самую стандартную советскую типовую конфигурацию, но тем не менее только у нас в деревне башня такая необычная, поэтому для меня теперь она тоже *château d'eau*, замок воды. Когда-то топорное сооружение приобрело совершенно другой вид, даже формы его стали более привлекательными. Как относительно просто, оказывается, сделать из убогой конструкции что-то радующее глаз, нужно только немного воображения и немного труда, пропорционально размерам объекта, конечно. Так недостаток превращается в преимущество, раньше это называли диалектикой.

P.S. А свои длинные палки-насадки я не выкинул, авось, ещё пригодятся.

МАРТ 2017 ГОДА

ВИТИЯ ВОЛЧОК

Настоящая фамилия нашего соседа Волков, но в деревне любят давать прозвища. Маленького роста, сухонький — вот и получилось такое уменьшительное прозвание. Как он сам любит повторять: «Супчик жиденький, но питательный, а я худенький, но старательный». Не только старательный, но

ещё и жилистый. Когда я попросил его привезти из леса (а он у нас повсюду, стоит только выйти за окопицу) пять осин по два с половиной метра для общественных нужд, он их припёр на своём мотоблоке один, хотя я предлагал и очень настойчиво свою помощь. Сгружали осины вдвоём, одна была вообще тяжеленная, я еле-еле её двигал, а он в одиночку их закинул в невысокий кузов своего транспортного средства. По деревне кочует наша лестница, она самая длинная здесь, все таскают её на пару, а Волчок не кряхтя легко носит один. Думаю, в соревнованиях по переносу тяжестей он легко переплюнул бы дипломированного культуриста, там ведь больше видимости, чем реальности. Люди считают, что истерзанное мускулатурой тело - это красиво, вот и стараются, а накаченная фигура, может, это как силиконовые груди — картинка одна, а толку мало. Во всяком случае у Вити Волчка мышц вообще не

наблюдается, а сила есть. Создаётся впечатление, что все килограммов 50-55 его веса приходятся на какие-то внутренние мускулы.

Витя на пенсии, работал сварщиком, до сих пор его зовут варить какую-нибудь трудную вещь. Но и без этого он целый день в трудах и заботах: огород, кролики, проверка сетей, сено для соседа с коровой, у них своеобразный бартер, помочь зятю с дочкой в ремонте унаследованного женой дома, который все в деревне называют Тамаркиным, по имени покойной владелицы. Там, кстати, лучше всего берёт интернет, и, бывает, что мы, совсем замучившись загрузить какую-нибудь фотографию, идём к «Тамарке» и садимся на вынесенную новыми гостеприимными хозяевами колоду — бывшую потолочную балку. Тут внезапно и появится откуда-то из нутра хаты Витёк со своей неизменной белорусской сигаретой в зубах из пачки под громким названием «Імпатэнція» да посоветует: «А ты на крыльце иди, здесь ёщё лучше ловит!» В позапрошлом году он в одиночку отремонтировал фундамент, залив его рассыпавшиеся камни цементом, и заменил несколько венцов. Зять делает «внутрянку», видимо, все посчитали, что такая ерунда как ворочать здоровенные валуны фундамента, вытянуть толстенные, но подгнившие под окнами, бревна проблема нешибко сложная, вполне по силам одному Вите. А он и решил её, только горбиться ёщё больше стал. Вообще я не знаю какой-нибудь деревенской работы, которую наш сосед не умеет делать. Бывает, ковыряешься неумело с чем-нибудь, подойдёт Витя, поглядит-поглядит сверлящим взглядом своих маленьких, глубоко посаженных голубых глаз, покачает головой да скажет: «Зачем же так? Не на-адо, - он обычно протяжно произносит это слово, - от работы кони дохнут!» Тут же покажет, как правильно на-адо или сам сделает, отодвинув тебя властным жестом не по росту длинных, словно вытянувшихся от тяжёлой работы жилистых рук.

Однажды увидев мои мучения с электрическим триммером в густой траве, Витя подарил мне кусу из своих запасов — раньше в сенокос по выходным помочь накосить запас на зиму двум коровам к ним приезжало человек восемь родственников, братьев, дядьёв, племянников. Презентовав мне сей нехитрый инструмент, он заодно терпеливо обучал косьбе и, в качестве примера, выкосил больше половины площади перед домом. Спокойно так, размеренно, без спешки, вжик-вжик, не напрягаясь, с минимальной затратой энергии, остановится, поточит кусу, продолжит. Получаса не прошло, а мне уже почти ничего не осталось.

За Витей повсюду следует Чопа, одна из трёх его собак. Чопа - некрасивый, ушастый, маленький, довольно глупый и, мягко говоря, неприветливый пёс. Когда ты приближаешься к Витиному дому, а иногда даже метров за пятьдесят до хатки Волковых, он начинает отчаянно лаять, изображать готовность ринуться на тебя и растерзать в клочья. На самом деле, он трус ёщё тот, но, согласитесь, мало приятного в картине ощерившегося пса, который несётся на тебя, особенно когда обнаруживаешь его у себя за спиной. Поэтому Витя иногда привязывает Чопу, уравнивая его в правах с главным хранителем их усадьбы Максом, он покрупнее, и голос у него более зычный, а посему обречён всегда сидеть на цепи. Но Витя больше привечает своего Чопу, это его пёс, он

с ним разговаривает, вторая мелкая собачонка в их хозяйстве — такая же ушастая недотакса Соня угольного цвета, наверное, больше нравится Витиной жене — Прасковье. Любит подержать её на руках, совсем как котёнка, и дочь Надя, когда приезжает с мужем заняться Тамаркиным домом. Но Витин Чопа, кажется, завладел самым важным местом в иерархии собак Волковых. Если он не привязан, то всегда сопровождает Витю: хозяин пошёл к колодцу за питьевой водой — Чопа за ним, двинул Витя в поле, и Чопа туда же. Витя ему даже присвоил что-то вроде фамилии. Во всяком случае одно слово очень часто следует за именем этого беспокойного пса. Стоит только кому-нибудь пройти мимо участка, как Чопа выбегает, громко, не по размеру своему, лаять и пытаться накинуться на проходящего, тогда откуда-то изнутри следует грозный Витин окрик: «Чопа б...ь!» На пса это действует, наверное, и всего-то нужно, чтобы к его имени добавили это нелицеприятное определение. Теперь мы смеёмся и порой называем его так, когда он, отпущеный погулять приближается к нашему двору.

Правда, на самом деле, Чопа б...ь» это всего лишь стиль Витиной речи. Он сдержан в разговоре с незнакомыми людьми, обращается на «Вы», хотя в этих местах принято каждому встречному-поперечному сразу тыкать. Зато со знакомыми он не церемонится, обильно сдабривая короткие фразы свои ненормативной лексикой, ничуточки не смущает нашего соседа и присутствие женщин или детей. Похоже, он сам не замечает, насколько сильно въелась самая примитивная нецензурщина в его обыденную речь, иногда получается даже несколько комично. Вот как-то заболела у него травмированная давно нога, проблему устранил просто — обмотал болячку листами лопуха раза три и прошло — такой простой курс лечения. А историю самого происшествия примерно так мне рассказал: «Они мне балку двутавровую на х.., - а я, б..., кричу:

- Куды ты, б..., мне её на х... бросаешь!
- А он, б...:
- Отойди, б..., кидаю на х...!
- А я, б...:
- Куды я, б..., отойду на х..., асвалът ведь. А КамАЗ, б..., машина на х.. большая б...!

А он, б...:

- Кидаю на х...!

Вот мне на х... и попала на ногу б...!»

В общем, нельзя сказать, что речь Вити богата и разнообразна. Тем не менее это не помешало ему общаться с нашим американским гостем Джеймсом. Витя по-английски ни слова, Джеймс по-русски -три-четыре, а понимать друг друга им каким-то чудесным образом удавалось. Витя научил Джеймса косить, дал ему два урока, объяснял примерно так:

- Да не загребай, твою мать, так много, бери, б...ь, меньше!" И показывает как.

Воспитанный до редкой для американца учтивости, при малейшей же

возможности говоривший нам «спасибо», «пожалуйста», Джеймс отвечает:
– Хорошо, б...ь, less!"

Вообще с Джеймсом они, несмотря на языковой барьер, крепко сдружились. Джеймс даже однажды прихватил бутылку водки из кухонного шкафа и пошёл в гости к Вите, там они её «раскатали» на двоих под разговорчик. Общение, правда, тогда получилось более содержательным, поскольку подоспела не пьющая крепких напитков переводчица из числа наших гостей. Надо себе представить постоянно улыбающегося американского мультимиллионера, закусывающего водку солёным огурчиком и жареной рыбой, в тесной избёнке простого российского деревенского пенсионера. Старый стол накрыт прорезанной местами клеёнкой, рядом плохо прибранная Витина железная кровать вдоль печки (так теплее спать зимой), из соседней комнатушки доносится недовольное рычание Сони. Вот такая картина. Жены дома не было в тот вечер, она работала «бабушкой». Прасковья не жалует Витины застолья, на то у неё бывали основания, но, наверное, американца она бы не прогнала.

Витя выпить не прочь, особенно за компанию, но бывает предложишь пропустить по сто грамм, он откажется: «Куды там, работать надо!»

Не могу сказать, что у Волковых дружная семья, но в огороде и на поле их часто видишь вместе, иногда этого требует работа — один косит, другая сгребает, иногда нет необходимости, просто так привыкли. Проня ведёт хозяйство, а Витя обеспечивает его всем необходимым — дровами, рыбой, ягодами, которых он в сезон приносит в заспинной котомке невероятное

количество, ещё кроликов балует свежей сочной травой.

Целые дни в летнюю пору проходят у Волковых в трудах и заботах, слово воскресенье им ничего не говорит. Встают рано, часов в пять-шесть, ложатся после десяти. Когда выдаётся свободный час, Витя идёт «по рыбу», то есть проверить сети — такая у него каждодневная обязанность. Сети для Волковых — один из главных источников пропитания. Поэтому браконьерством это назвать нельзя. Они всегда тут ловили так, это озеро их отцов, дедов и прадедов, и если где-то там, в Москве решили, что так неправильно расходовать рыбные ресурсы, то пусть неправильным это будет для приезжих, городских из районного центра, да из других мест. Было время, когда распоясавшиеся браконьеры вообще били рыбу электроудочками, особенно преуспели в этом отвратительном «спорте» гости из соседней Белоруссии — у них браконьерство Батька прижал, они в наши места и рванули.

Но всё-таки Витя рыбак, отдыхает он душой не на рутинной проверке сетей, а на настоящей рыбалке. Ловить наш сосед мастер, больше специализируется по крупным особям — щуке и лещу. Как ни сплавает покидать спиннинг, так обязательно хоть одну рыбину да привезёт, а то и две-три. В позапрошлом году весной острогой взял восьмикилограммовую щуку. Присмотрел ямку у берега, куда она ложится, и застал врасплох разъевшуюся озёрную хищницу. Прасковья потом долго котлетами детей и внуков кормила.

Сколько бы рыбы Витя не поймал, продавать не пойдёт, семье большой полакомиться надо, да добрым соседям занесёт. Дачница Галя из Италии (да, у нас в деревне и такие имеются) хотела отблагодарить его за лодку (у неё муж и дочка заядлые рыбаки) бутылкой водки — такая универсальная, с советских времён, деревенская валюта. Витя наотрез отказался. «Зачем это, — говорит, — забери!» И в качестве ответного жеста принёс им рыбок из сетки — покрупнее, таких на удочку много не поймаешь, они в придонной траве любят шариться. Витя с женой внутри деревни вообще товарно-денежные отношения не признают, с их огорода ничего не купишь, а Прасковья то огурцов принесёт, то помидоров, с луком ещё проще: «Приходи сам и рви». Да Витя добавит: «Не стесняйся!» Ему никогда не жалко ни овощей, ни рыбы из сети.

Вот идёт он по деревне в тёмных «рыболовных» штанах, заправленных в невысокие сапоги, поверх рубашки жилетка неопределённо-серого цвета и такой же картуз с полями на голове. Как всегда, немного сгорбившись, за плечами торбочка для рыбы — пришло время проверить сети. Шествует своим характерным шагом — сильно вынося колени вперёд, неторопливо движется по основной нашей магистрали, что тянется от начала до конца Попадьино, мастер на все руки, трудяга, главный рыбак деревни, человек широкой души Виктор Ефимович Волков, он же Витя Волчок.

ПОПАДЬИНО, АВГУСТ 2018 ГОДА

ИНЕССА И РЕБЯТА

У нас в деревне появилась новая соседка. Такая очень деятельная и очень целеустремлённая женщина с симпатичным рисунком лица и очаровательной улыбкой. Инесса Валентиновна Зайчик. Фамилия, конечно, редкая, но совсем не романтическая, полученная (справедливости ради открою страшную тайну) от супруга. У них в семье все Зайчики и большие, и малые. Самый главный Зайчик – муж Эдуард Самуилович, потомство тоже Зайчики. Дети, когда маленькими были, своей фамилией порой вводили взрослых в ступор. Старший сын в первый, самый грустный, день детсада на вопрос: «Ну как тебя зовут, мальчик?», поднял на тёту полные вековой печали избранного народа глаза, доставшиеся от деда Зайчика, затем тихонько протянул: «Я-а-ааник...». Тётя на этом не остановилась и спросила фамилию. Свою фамилию Яник в четыре года знал чётко, этим фактом гордился и уже бойчее заявил: «Зайчик!» Сотрудница детсада разочарованно вздохнула: «Нет, Зайчиком тебя дома зовут, а фамилия-то какая у тебя?». Ребёнок немного растерялся: «Зайчик!», произнёс он с небольшой дрожью в голосе. Говорят, тётя так допытывалась минут пять, пока не устала, и не решила посмотреть в бумагах.

Детьми, кстати, Инесса Валентиновна занималась очень ответственно, кормила их по расписанию и только правильной, ей самой приготовленной пищей, водила их по разным кружкам, приобщала к книгам и культуре. Но дети выросли, даже младшая уже по росту догнала маму, отказывалась есть манную кашу и носить школьную форму. Муж много работал, а одного интернета и фитнеса для деятельной натуры нашей героини не хватало. Ей нужно было приложить свою энергию на какое-нибудь конкретное дело, принять его на этапе нулевого цикла и довести затем, как ребёнка, от пелёнок до магистерской мантии.

И ей повезло. Приехали они как-то к нам в деревню, погостить. Лето в тот год холодное выдалось, в Питере вообще температура выше шестнадцати-семнадцати градусов редко поднималась. В наших краях, на юге Псковской области, природа погуманнее обходилась с людьми, но тоже по-настоящему жаркие дни наступили только в двадцатых числах июля, аккурат под приезд Зайчиков. Можно себе представить, как они наслаждались долгожданным летним теплом после хмурого питерского межсезонья, когда дождливая весна никак не спешила заканчиваться, а на пороге уже маячила грустная осень. Наконец можно было безмятежно поваляться на солнышке, подставляя его жарким лучам свои бледные бока. Водичка в озере тоже прогрелась до такой

степени, что даже самые закоренелые мерзляки отваживались не только поплескаться на мелководье, но и попугать любопытных чаек, глазевших с середины водоёма на редкую до тех благодатных деньков картину с купальщиками.

Больше всех устраивала неожиданно возникшая жара Инессу, они тем летом почему-то не съездили в знаменитые крымские здравницы с громкими названиями «квартира сдаётся», «свободное место для палатки» и т.д., и ей очень не доставало томного лежания на самом солнцепёке с книжкой в руках. Хотя, надо сказать, Инесса Валентиновна обладает поистине кипучей энергией, если есть какой-нибудь фронт работ, то она сразу же бросается на него как на амбразуру вражеского дота. Так, едва появившись на пороге нашего дома, она отобрала у моей жены бразды правления кухонным хозяйством. Юля беспрекословно и с чувством огромного облегчения сдала пост номер один и вернулась к своим любимым деревяшкам. С того дня мы чаще всего наблюдали через широкое окно кухни только её загорелую спину, перетянутую бретельками от купальника, спина постоянно вертелась около бани, где Юля развернула настоящую походную столярную мастерскую. Бретельки могли менять местоположение для большей однородности загара, спина – нет, варьировала лишь степень наклона – он исчезал, когда надо было что-то отпилить на козлах и достигал максимума при выпиливании мелких деталей из лежащего на кирпичах огромного куска фанеры. А на кухне всё кипело, томилось, пыхтело, какая-то сумасшедшая масса продуктов одновременно варила и жарила. Сырьё для кулинарных изысков привезла с невельского рынка тоже Инесса, правда, благодаря послушному супругу Эдику («ну хорошо, Инчик, поехали»). Задвинутым на задний план хозяевам оставалось заботиться лишь о том, чтобы на столе не переводилось вино. Инесса даже позволяла себе невиданную для гостя наглость, встав в семь утра, она начинала трудовой день с мытья полов в нашей просторной кухне-столовой. Но когда на плите больше не оставалось места из-за аппетитно скворчащих сковородок, с нетерпением ожидавших, чтобы гостеприимные хозяева и неназойливые гости общим числом одиннадцать человек удостоили их своим вниманием, а в холодильнике просто было не протолкнуться из-за кастрюль с супами и огромных салатниц, вот тогда Инесса с чувством выполненного долга уходила на сеанс медитации с солнечным светом. В наших местах ей очень нравилось, тут было всё, что требовали её душа и тело – солнце, природа с красивыми видами и возможность приложить свою фонтанирующую активность к разным видам деятельности.

В один прекрасный день, с горки, где раз в неделю останавливается автолавка, она взглядом самого известного в мире корсиканца оглядывала наше неширокое, но вытянутое в длину озеро, попутно осуществляя ревизию деревенского имущества, и тут обратила внимание на одну малозначащую, на первый взгляд, деталь.

- Ваня (это она автору, извините, забыл представиться – Иван Владимирович Карасёв), а где бабуля, которая в наш прошлый приезд всё время в окне торчала?

- А нету бабули, померла 22 июня прошлого года, под приезд автолавки померла, утром ещё Паше заказ сделала, а продукты уже некому давать было, остывшая лежала.

Кто такая или такой Паша наша гостья пропустила мимо ушей, эта информация не заслуживала топов в новостной ленте сознания Инессы. На самом деле это была ухаживавшая за старушкой соседка Прасковья.

- А чей дом теперь?

- Да ничей, с мая его внутика Ирка продаёт, знакомый один смотрел, но отказался, говорит, что за те же деньги он в три раза ближе к Питеру купит. Долго, видать, продавать будет.

- А можно заглянуть внутрь?

С этого вполне невинного вопроса всё и началось. Дело в том, что домик покойной бабы Гали стоит на очень интересном месте. С него открывается самый лучший, во всю длину, вид на наше небольшенькое, но такое живописное, озеро. Только родители её, построившие хату, следовали древнему крестьянскому правилу – с северной стороны стена должна быть глухой, а то зимой топить замучаешься. На озеро-то чего плятиться из окна, ты итак его каждый день видишь. Поэтому из самой избы вида как такового не было в виду полного отсутствия окон с нужной стороны. Но ведь участок-то продавался вместе с избой. Этого Инессе объяснять не нужно было.

Тут надо сделать маленькое отступление. Баба Галия сама по себе была исключительно интересным персонажем. Её муж спился и умер лет за десять до описываемых событий. Пил он в их доме, напротив того, который мы называем Галиным, ей это надоело, и после смерти родителей она переселилась в их избу. Так они и жили дружной семьёй, каждый в своей избе. Постепенно у Гали стал ухудшаться слух. Разговаривать с ней стало трудно,

проще было написать что-нибудь на листочке, и только Паша как-то умудрялась с ней общаться. Раз падал слух, Галя почему-то решила, что и зрение тоже должно падать. Она могла встретить кого-нибудь и делать вид, что не распознаёт человека, хотя все видели, как она, экономя электричество, читает газеты, чуть ли не прилипнув к окошку. Нужна была определённая встряска, чтобы она забыла о своём слабовидении. Однажды она пришла в наш дом, я только-только стал наводить в нём порядок. Это было бывшее жилище её мужа, он даже не подметал последние лет десять, из принципа, наверное, культурный слой создавал для археологов 25 века. Песка и грязи над половыми досками накопилось сантиметров семь. На пороге ссохшаяся и сгорбленная баба Галя наткнулась на здоровенного мужика из соседней деревни, которого я позвал наладить печку. Они были знакомы всю жизнь, точнее всю его жизнь, он родился лет на пятнадцать позже Гали. Столкнулись, можно сказать, лоб в лоб. Баба Галя сделала вид, что не узнаёт.

- А ты кто? - удивлённо спросила она.

В ответ услышала:

- Х.. в пальто! – знакомый её за словом в карман не лез.

- А-а-а, это ты, - разочарованно промолвила Галя.

Оказывается, она даже такое имя знала, Х.. в пальто. А вообще она очень скучала, и когда я, уезжая из деревни в очередной раз, приносил ей конфет, она спрашивала: «Когда в следующий раз приедешь? Ты приезжай, приезжай!» Мы и приезжаем, Гали уже нет, а мы всё приезжаем. Теперь, правда, не только мы, но ещё и некоторые другие. Но об этом позже.

Итак, ключик от дома взяли всё у той же Паши. Хата бабы Гали ничего особенного из себя не представляла. Маленькая, тесная избушка с застоявшимся запахом гнили и старости, прохудившаяся кровать с десятком импровизированных матрасов, совсем как для принцессы на горошине. В сенях в тканых мешках для строительного мусора высилась собранная внучкой с мужем гора всякого хлама, подлежащего вывозу на свалку. «Это тоже продаётся?» - ухмыльнулся Эдик, мужа, конечно же, пригласили посмотреть «чудесный домик», хоть он и был страшно занят игрой с детьми в дартс. Ответом явился уничтожающий взгляд Инессы, в довесок она припечатала мужа короткой репликой: «Ты ничего не понимаешь, место какое и какая тут энергетика!» Эдик счёл за лучшее промолчать в надежде, что в Питере энергетика забудется и отодвинется на третий, четвёртый план в ряду повседневных забот и проблем.

Но не забылось, не отодвинулось. Весь конец лета, весь сентябрь и весь октябрь Эдику напоминали о таком невероятном, раз в жизни приходящем, шансе купить участок с волшебным видом на озеро. Эдик занял глубокоэшелонированную оборону на Лужском рубеже, отстреливаясь из-за бруствера окопа до последнего патрона: «Инна, за Лугой для нас земли нет!» Его можно понять, шесть часов езды в одну сторону при отсутствии пробок и ремонта дороги. Так все выходные проведёшь в машине. В конце концов, патроны, даже холостые, кончились, и муж Инессы следуя древнему женскому правилу «Проще дать, чем бесконечно объяснять почему нельзя», подписал почётную капитуляцию и выделил требуемые внучкой бабы Гали сумму. Но при этом гарнизон покидал Лужский рубеж с оружием и с условием - всем должна была заниматься супруга, хотя бы на первых порах. Эдик надеялся, что запал жены иссякнет, когда её лодка упрётся во льды деревенской реальности. Как он плохо знает свою жену!

В холодном и мрачном питерском ноябре регистрационные органы зафиксировали сделку между Инессой Валентиновной Зайчик и вступившей некоторое время назад в законное наследство Ириной батьковной такой-то. Покупательница была счастлива, можно себе представить, как радовалась другая сторона сделки. В наших краях дома продаются годами, а то и десятилетиями. Я тоже испытал огромное удовлетворение - у нас появились хорошие соседи, да ещё и друзья в придачу. Честно говоря, мы очень боялись, что домик бабы Гали в конце концов купит какой-нибудь жлоб и построит на его месте трёхэтажный особняк, высоченным забором огородив участок и заодно общественные земли на спуске к озеру (судись потом с ним!). Сколько угодно таких историй случается, не хотелось, чтобы она произошла в нашей деревне, здесь никто не с кем не ссорится, даже по-соседски.

Меньше всех радовался, понятное дело, Эдик. Перспектива отдохнуть не в Крыму, а в деревне за компанию с комарами его явно не прельщала. К тому же он представлял, во что выльется материально эта покупка, а у него имелись иные планы. Но, как говорится, муж предполагает, а жена располагает. Вот она и расположилась. Как Кутузов над картой Бородинского поля. Натянув на положенное место очки, Инесса долго изучала простенький план дома с участком, пытаясь понять, что можно выжать из них. Наконец, решила съездить на рекогносцировку. Зимой не с руки, подождала весны и нагрянула.

Мы как раз приехали собрать прошлогодние листья и постричь побеги клёнов, которые вовсю прут повсеместно, ну и вообще понаслаждаться жизнью в тихом уголке земного шарика. Тёплым майским вечером я встретил

гостю с двумя баулами посадочного материала на обновлённом Невельском вокзале - всё застелили красивой трёхцветной плиткой, вообще вокзал в Невеле – это отдельная песня, как-нибудь расскажу. Привёз к нам – в доме бабы Гали, бывшая хозяйка жить-то, конечно, могла, но городскому человеку прямо вот так с налёта, с поворота, трудно. Запах старья, кровать никудышная и полное отсутствие туалета. Он, видать, развалился давно, посему баба Галя использовала горшок. В нашем доме, от мужа её покойного перешедшего, кстати, сначала тоже никакого туалета не имелось. Видимо, семья такая, Галя Голубева и муж её, Сашка Монах (как положено, у него имелась деревенская кличка, к отцу ещё прилипшая).

Но Инесса не Галя, и ей определённые вещи для жизни требуются. Поэтому устроили мы её со всеми удобствами в нашем, увеличившемся в размерах за восемь лет раза в четыре, доме. Мы в тот день посидели допоздна, за полночь разошлись спать. Утром, часов в пять меня разбудила страшная мысль – забыли Инессе показать, где у нас специально купленный под её приезд молотый кофе (мы-то в деревне только чаём балуемся, так аутентичнее). А в семье Зайчиков утро обязательно начинается с кофейной церемонии. Эдуард Самуилыч так тот вообще с кровати не может встать, если не учуяет тянувшийся с кухни ни с чем не сравнимый запах кофе. Он с трудом доползает до стола и медленно, смакуя каждый глоток, потягивает ароматный напиток, потом посидит ещё немного и жалобным голосом произносит: «А можно ещё чашечку?» И только после неё, а иногда лишь после третьей он становится готовым к трудовым и не только свершениям. Инесса тоже всегда пьёт кофе с утра, правда, такой наркозависимости, как супруг, к этому делу не имеет, но всё-таки. К тому же я помнил, что Инесса встаёт рано, а посему уснуть уже не мог, прислушивался к шагам внизу, где в бывшей хате Сашки Монаха расположилась гостья. Нет, конечно, можно было встать, вытащить пачку со стола необходимым утром продуктом и оставить её на видном месте. Но мы не ищем лёгких путей, потом так не хотелось подниматься в такую рань, тут, думаю, каждый меня поймёт. Поэтому я продолжал нежиться в тёплом семейном ложе, подрёмывая иногда, но стараясь держать ухо востро. И всё-таки пропустил выход Инессы! Она повсюду прошла на цыпочках, боясь разбудить нас, соней, и только скрип одной двери выдал её! Я вскочил с кровати, как по команде «рота, подъём», даже спящая жена перевернулась на другой бок, а её может разбудить только пожар или переполненный мочевой пузырь. Однако не успел, когда прибежал вниз, Инесса уже покидала дом. «А как же кофе?» - удивлённо проговорил я. «Потом, я водички попила, прогуляюсь немного», - мило улыбаясь, ответила гостья. Вот что тёплое, почти

летнее майское утро и ожившая после зимней спячки природа творят с людьми. Мама трёх Зайчиков от кофе отказывается. Невиданно! Я посмотрел на часы – почти семь. «Ну ладно погуляет немного, сама разберётся», - подумал, вытащил из ящиков длинного кухонного стола всё необходимое для сытного завтрака с чашечкой кофе и решил продолжить приятное утреннее ничегонеделанье под тёплым одеялом.

Но все мои приготовления оказались напрасными. Инесса выпила первую чашку кофе только часов в двенадцать! До этого времени произошла масса событий. Говорят, в мусульманских странах по утрам истошно орёт муэдзин, призывая всех на молитву. В нашей деревне муэдзина зовут Витя Савинский. К счастью, он орёт не каждое утро, а только тогда, когда очень хочется выпить, а нечего, и денег нет, а их никогда нет, поскольку на работу устраиваться не хочет, и тогда ёщё заводит свою песнь, когда в его собственной, за лесочком, деревне на призыв спасти умирающий от жажды организм никто не откликнулся. В тот день так и случилось, поэтому в полвосьмого около дома раздались приглушённые звуки: «Иван», тишина, «Иван», ожидание, «Иван», надежда. Начинает он негромко, боится всех разбудить, тогда ведь разозлятся и просто прогонят. Я ругнулся про себя, придётся встать, дети ёщё спят, он же не остановится.

Вышел из дома с твёрдым намерением в этот раз денег не давать, пусть просохнет, ему же лучше. Но ситуация была сложнее, чем я предполагал. В районе бабы Галиного дома я увидел «прогуливавшуюся» Инессу Валентиновну. Она, на самом деле, придирчиво оглядывала своё хозяйство. В тенёчке раскидистой старой яблони ровными рядами уже стояли многочисленные горшочки из вчерашних баулов. «Чёрт, придётся дать, а то он к ней пристанет», - вздохнул я и пошёл наверх за сторублёвкой. Однако надежды Вите не подал, оставил слабый шанс, что уйдёт. Уйти, он не ушёл, никогда меньше, чем минут двадцать не клянчил и почти всегда побеждал. Но узрел новую хозяйку соседской избы и решил попытать счастья с ней, в любом случае, около нас покричать всегда успеет. Поэтому, когда я вернулся с заветной бумажкой в руке, с огромным удивлением констатировал исчезновение нашего попрошайки. Но звуки не очень далёкого разговора меня вернули на землю. Не надо мечтать, Витя никуда не делся, он что-то мирно, спокойно совершил, без вечного надрыва похмельной ломки, обсуждал с Инессой. «Ладно, - решил я, - будем щупать пульс на расстоянии» и принялся готовить себе утренний чай, время от времени поглядывая в окно. Там внешне ничего не менялось, парочка ранних птичек также бесстрастно о чём-то толковала. А через минут пять прибежал Витя, постучал в окно в этот раз,

орать не стал. Что-то случилось, всегда использовал только голосовые связки. Оказывается, чтобы попросить лопату. Никогда такого не было! Если Вите надо выпить, он ни за что работать не будет, ну разве что полчасика для вида поизображает трудовую деятельность, а потом выклянчит деньги, только его и видели. Неужели он уговорил Инессу вскопать ей участочек под посадки. Копать, когда у тебя трубы горят? Я ухмыльнулся, но лопату дал.

Моё знание деревенской жизни подвело меня на этот раз. И через полчаса, и через час Витя не ушёл, а продолжал бойко орудовать выделенным ему инструментом. Инесса тоже суетилась рядом, выдёргивая какие-то кореня, таская кучи травы и прошлогодних листьев. Через некоторое время я узрел в её руках грабли. Неужели Витя без спроса взял на веранде наши грабли? На него это не похоже! Он туда один вообще не заходит. Пригляделся. Ах нет, не наше орудие труда. У нас с чёрными пластиковыми зубцами, а эти полностью деревянные. Откуда взялись? У бабы Гали никакого инвентаря не оставалось! Тут разглядел и ответ на вопрос. Из-за угла дома показался другой Витя, Волков, сосед наш, по местному прозвищу, объединившему фамилию и невысокий рост, Волчок. Он тоже что-то сгребал и носил. Ну и ну, Инесса целую бригаду организовала! И первый Витя всё копает и копает, а как же насчёт опохмелиться? Неслыханно! А кофе, Инесса, как же непременный кофе? Жизнь полна загадок. Живёшь и думаешь, что всё знаешь про людей, а они открывают тебе с совершенно с неожиданного ракурса. Вскоре второй Витя, покинувший, было, поле деятельности, появился, оседлав свой мотоблок, и стал грузить в кузов трухлявые колья давно развалившейся изгороди. Ого, Инесса Валентиновна и технику привлекла. Тут мой тринадцатилетний сын решил сходить посмотреть, что там делается. Ему свойственно некоторое любопытство, у нас дома в его присутствии шага нельзя ступить, чтобы он не поинтересовался, куда идёшь, зачем. Вот он и побежал туда удовлетворить своё природное чувство. Ушёл, и с концами, нет и нет. Один Витя копает, второй остатки изгороди разбирает, новая хозяйка граблями машет, а Матвея не видно.

Решил сходить посмотреть куда ребёнок делся, а заодно спросить, не хочет ли Инесса кофе наконец выпить. Но она всё с той же милой улыбкой поблагодарила и отказалась. Лицо её приобрело иное, нежели ранним утром, выражение, на нём читалось удовлетворение и удовольствие от проделанного и от того, что ещё предстоит проделать. Я продолжал удивляться – Матвей, которому обычно надо полдня напоминать, что он должен пропылесосить детскую комнату, этот самый Матвей выгребал из углов хаты грязь и таскал во двор тяжеленные мешки с мусором. «Небывалое бывает!» - и, оказывается,

не только в эпоху Петра Великого. Стало совсем неудобно, все работают, а я смотрю. Поинтересовался, не нужна ли ещё помощь. Судя по всему, Инессин трудовой энтузиазм, захватив троих таких разных представителей мужской части общества – алкоголика, трудягу с собственными невозделанными пока грядками и развращённого компьютерными играми ребёнка (во какой дружный коллектив коллег по цеху), этот энтузиазм трудовых подвигов от Инессы начал медленно подкрадываться и ко мне. Так робко, на цыпочках, но верно и безальтернативно. Во всяком случае, просто посматривать из окна на разворачивающее перед глазами переустройство соседней усадьбы я уже не мог. Оказалось, помочь сплочённому коллективу надо. Но от меня требовалась интеллектуальная поддержка – решить логистический вопрос с вывозом хлама – тех самых мешков, куда бабы Галины наследники собрали всё ненужное, да ещё слежавшихся от старости подушек, продавленных матрасов. Оценил на глазок – куба 3-4. Хорошо. Нашёл в Невеле три организации, начал их вызанивать. Но одни приводили в порядок воинские захоронения к девятому мая, другие могли приехать только послезавтра, когда мы все, в том числе Инесса, уже вынуждены будем оставить наш тихий сельский быт. У третьих отсутствовали трезвые грузчики по причине затянувшихся праздников, а посему кидать мешки в кузов придётся самим. Последняя перспектива не очень радовала, поэтому с удвоенной энергией расширил зону поисков. Когда я уже почти договорился с одной конторой, прибежал запыхавшийся Матвей сообщить важную весть: «Уже не надо! Витя на мотоблоке увозит, сжигать будет».

Вот так, стараешься-стараешься, уже готовишься примерить на себя звание великого организатора мусорной логистики, а тут славу у тебя уводят из-под носа! Ухмыляющийся Витя потом скажет мне: «У нас всё делается быстро!» Пришлось отрабатывать интеллектуальную помощь с граблями в руках, а то совсем как-то неприлично. Сосед Витя тоже не оставил общее дело, хотя Паша его одиноко ковырялась в их огороде, там, где они вчера вдвоём готовили землю под посадки. В итоге на Инессином участке трудились, считая моего сына, четыре мужика, что и не преминула сообщить Юля обыскавшемуся собственную супругу Эдику (телефон женщины всегда оставляют в сумочке): «Эдик, смотри, а то жена возьмёт и не вернётся, здесь она огромным успехом пользуется!» На что брошенный в городе муж с присущим ему юмором ответил: «Но если Ваня уйдёт к Инессе в сельский гарем, то ты ведь сможешь перейти в мой квартирный сераль!»

Но всё-таки больше всего поразил меня в тот день первый Витя, он вкалывал без перерывов до двенадцати часов, потом поехал на своём стареньком чёрном

велосипеде в сельский магазин опохмеляться настоящей, а не палёной водкой, которую брал по дешёвке в соседней деревне. Появилась в нашем доме и раскрасневшаяся от работы на свежем воздухе Инесса, пришла посмаковать вкус свежесваренного кофе.

- Ну как, всё, на сегодня хватит дуэлей? – спросил я.

- Почему же, – удивилась гостья, – сейчас посижу с вами минут пятнадцать и пойду корни травы из перекопанного выдёргивать, а через час-полтора Витя обещал вернуться.

- Волков, сосед?

- Нет, тот, первый.

Мы с женой дружно хихикнули:

- Витю раньше завтрашнего дня только его дружок-собутыльник сможет увидеть.

- Да нет, обещал прийти, – уверенно сказала Инесса, мы с Юлей только переглянулись.

Инесса ушла, каждый занялся своими делами, для меня они заключались в лежании на балконной раскладушке с недавно приобретённым в «Доме книги» очередным французским изданием первого приключения Арсена Люпэна. Инесса ковырялась на своём участке, она явно воспылала страстью к земле. Моё безмятежное существование в этом уютном уголке было прервано голосами с соседнего участка. Нет, сами по себе, звуки человеческого голоса чем-то из ряда вон выходящим в нашей деревне не являются, всё-таки в ней целых пять постоянных жителей, но иногда вызывают законное любопытство. Вдруг там сообщают важные новости – кто сколько рыбы вытащил или когда завтра автолавка приедет. Правда, в этот раз ничто подобное меня не интересовало, с нагретого матраца меня подняло то, что показалось голосом Вити Савинского. «Как, Витя? Он же должен сейчас находиться в состоянии полной беспробудности!» Я пролетел как ракета мимо удивлённой Юли, оторвавшейся от своего компьютера, чтобы проводить меня взглядом.

Да, это был Витя, от него крепко разило водкой, но грабли он держал в руках уверенно, правда, иногда опираясь на них, чтобы не упасть. По всему чувствовалось, что он вполне мог завалиться на боковую и там сладко почивать в ожидании следующего похмельного утра. Но Витя, повинувшись некоему непонятному и полностью отсутствующему у людей его состояния,

чувству долга, пришёл, чтобы помочь и дальше. В общем – ограниченно годен, с некоторыми оговорками. На обед Инесса не пошла: «Я кофе попила», - всё так же мило улыбаясь, сообщила она. В таких случаях слишком банально выглядят фразы на вроде этой - «глаза её излучали счастье», но по отношению к Инессе очень хочется употребить именно эти слова. Вскоре мы поняли возможную причину её отказа. Из-за бугорка показался второй Витя, Волчок. Правильнее сказать, показалась спина Волчка, которая медленно, с какой-то черепашьей скоростью, но верно приближалась. Спина Вити почему-то тарахтела как тарахтит старый дедовский мопед, найденный подростками в дачном сарае. В реальности Витя, пяясь, как рак, тащил мотокультиватор на холостом ходу. И всё завертелось с новой силой. Сплошённая бригада опять дружно взялась за дело. Один при помощи вращающихся лопастей чуда советской техники переворачивал дёрн, другой очищал его от остатков травы, третья граблями готовила поле деятельности для механизатора. Группу энтузиастов было не остановить. Только когда Инесса совсем проголодалась, она минут на десять забежала перекусить. Тем временем её верные русланы не останавливались даже на перекуры. Савинский не курил, а второй Витя, дымил на ходу, не выпуская из своих жилистых рук культиватор. Так продолжалось до самого вечера. И напрасно Паша приходила напомнить мужу о существовании своего огорода, напрасно я предлагал ему остановиться, куда, мол, Инессе столько земли, она же картошку сажать не будет. «А почему? – резанул Витя. - Мы сами ей посадим!» - и хитро подмигнул.

Наконец, часам к шести работники угомонились. Мужики попросили купить им водки, наверное, это было главным материальным вознаграждением Вити Волчка за целый день трудов, ему захотелось раздавить пузырь со своим тёзкой. Я ехать категорически отказался, сославшись на выпитый час назад стакан вина. Дело в том, что по принятой у нас традиции, гонец тоже должен участвовать в мероприятии, а у меня были совершенно другие планы на вечер. Выручила Юля, она предложила сгонять в лавку на велосипеде вместе с гостившей у нас её подругой. «Для нас это будет прогулка!» Ну, прогулка, так прогулка, она удалась, подружка лишь в третий раз севшая за руль двухколёсного транспортного средства, не протаранила, как год назад Юлин велосипед, испугавшись игры теней в роще. Заветная жидкость была доставлена в срок. Паша приготовила бутерброды с килькой, Инесса вынесла работниками все три стула, имевшиеся в избе, мужики устроились во дворе перед крыльцом, там, где ещё утром складировали мешки со старым хламом, третий стул превратили в импровизированный столик и душевно посидели пару часов под лучами

закатного солнца, правда, после этих их нехитрого застолья один стул куда-то исчез. Никто его не забирал, я наблюдал с балкона расставание коллег, но стул сгинул, растворился. Мистика. Судьба его и по сей день неизвестна. Пропал без вести. Инесса же пока было светло, занималась посадками привезённых из города садовых растений. Лишь в девятом часу она объявилась в нашем доме, робко поинтересовавшись: «А можно что-нибудь поесть?» Её, конечно, накормили. Наверное, это был первый день во взрослой жизни Инессы, когда она ни минуты не провела за плитой.

Назавтра мы покидали деревню, поэтому встали раньше обычного – надо собираться, в хозяйстве всё разложить по своим местам. В семь часов я был уже на ногах. Выйдя на балкон набрать полную грудь свежего воздуха и подрыгать руками-ногами пару раз (типа зарядка), я сразу заметил Инессу, склонившейся над перекопанной землёй в привычной позе дачницы. В отличие от нас, она уезжала в ночь на поезде, поэтому времени у неё была уйма, вот всю эту уйму она опять провела в своём саду, только не нежась в гамаке, а скрючившись в три погибели над грядкой. Мы даже готовой еды ей оставили, понимая, что сил на кулинарные подвиги у нашей героини труда не останется. Такси за ней приехало в пол-двенадцатого, когда Инесса Валентиновна уже отдыхала, потому что при свете фонарика в огороде, как выяснилось, копаться трудно.

Эдик потом сформулировал так: «Теперь Инесса нашла свою землю и себя на ней!» Я бы добавил – и мужиков на землю тоже нашла, совсем как в том французском сериале: Инесса и ребята, её товарищи по трудовым свершениям на участке бывшего дома бабы Гали.

P.S. (от Юли) Раньше на своей страничке в ВКонтакте Инесса постила разные красивые интерьерные мелочи, вазочки-тарелочки, куколки-букетики. Теперь же она радует нас картинками и видео по теме: "Стол из бревна своими руками".

P.P.S. А картошку Инесса всё же посадила, я не угадал.

МАЙ 2018 ГОДА

МЕСТЬ ЛАСТОЧЕК ИЛИ ИМПЕРИЯ КОНТРАТАКУЕТ

В прошлом году мы боролись с ласточками за право пользования собственным крытым балконом. И победили, **мы** победили, во всяком случае, так думали. Балкон очистили от птичьего помёта и продолжали сидеть там вечерами, любуясь нашими попадьинскими закатами. Я даже описал это в рассказе «Ласточки». Прошёл почти год, наши изящные соседки попытались устроить гнездо на прежнем месте, но я отстоял свою территорию, сбросив при помощи швабры их конструкцию, она была лишь в зачаточном состоянии. «Устраивайтесь в другом месте!» - крикнул я громко удивлённым птичкам, когда они не нашли свою стройку. Правда, их, скорее, впечатлил стандартный инструмент советской уборщицы, которым я грозно размахивал. Полетали-полетали и убрались куда-то. Я вздохнул спокойно - проживём лето без дерьма этих симпатичных тварей божьих. Через пару дней мы вернулись на наши невские зимние квартиры. Учебный год ещё не закончился.

И вот примерно дней сорок спустя мы вернулись в Попадьино. Каждый, кто имеет дачу, особенно деревенскую дачу, знает, какое это нелёгкое дело – развернуть всё хозяйство после длительного отсутствия. Надо выкосить разросшуюся траву, чтобы достающая до рук крапива дала пройти к входной двери, вымыть запылившиеся и затоптанные в суматохе сбров в обратный путь полы, перенести в дом и разложить там по своим местам содержимое забитого до отказа багажника. Штука эта, кстати, нервирует меня ужасно, особенно при запихивании в неё всего необходимого при поездках в деревню. У неё «умные» сервопривода, которые не позволяют крышке заднего люка машины полностью опуститься, если что-то хоть чуть-чуть мешает, они, эти детища технического прогресса, видят всё! И надавить нельзя! Ведь тогда можно сломать устройство с искусственным интеллектом. Короче, современные автомобили это вам не «Жигули», тут при помощи лома и какой-то матери ничего не добьёшься. Но я отвлёкся, извиняюсь, крик души, сколько раз я материл про себя этот не захлопывающийся из-за какого-нибудь торчащего рукава детской рубашки багажник. Ты ему говоришь: «Закрывайся, тебе ничего не мешает!». А он боится на лету задеть краешек тряпки и ни в какую. Раньше было проще – поднажал и щелчок, замок закрылся.

В длинном списке дел по прибытии на дачу есть небольшенькая строчка – вынести шезлонги и раскладушки на балкон. Перед отъездом мы забиваем ими всю свою спальню, так что к кровати просто не пробраться, а комната напоминает баррикаду девятьсот пятого года. Так и вчера, раздевшись с самыми первоочередными вопросами нашего жизнеобеспечения, я решил расставить уютные креслица на балконе. Поднялся на второй этаж, пробрался к стеклянной балконной двери, выковырял из нагромождения наваленной друг на друга мебели первый попавшийся шезлонг и … остановился. Снаружи, прямо под дверью, на неведомо кем принесённой кучке из нескольких веточек как на заранее заботливо приготовленном смертном одре лежала мёртвая птичка. Вокруг неё – агломерация пятен помёта, как карта Парижа – одно большое пятно, а к нему прижалась куча маленьких. От поноса, что ли, сдохла? «Та-а-ак, начинается! – чуть не взорвался я от злости, глядя на эту картину, – вы тут теперь ещё и кладбище устроили!» Тело усопшей показал всем – Юля подтвердила, это, действительно, птенец ласточки (опять они!), ещё пушистый слёток. Ладно, сдох и сдох, отнёс его в дальнюю канавку, прикрыв место захоронения всё теми же веточками. Свидетельства последних часов жизни крылатого существа уничтожил при помощи спецсредств. Но один вопрос не давал покоя: «Откуда же он прилетел, вроде, гнезда нет, под стрехой крыши веранды, как в прошлом году, точно нет, с другой стороны дома тоже».

И только на следующее утро я получил ответ на волновавший меня вопрос. Проделывая упражнения утренней зарядки, лёг на спину головой к ограждению балкона и увидел разгадку – над балконной дверью прилепилось ласточкино гнездо. Стандартный проект НИИ Орнитоархитектуры – вязаная из травы полукорзина, склеенная какой-то глиной из супермаркета «Всё для птиц». Тем же дефицитным материалом она пришпандорена к вертикальной стенке прямо под началом крыши балкона. «Боже, второе нашествие ласточек! Они контратакуют! Вот это наглость! Причём невиданная! Не получилось там, под стрехой, снаружи, так они здесь обосновались! А что, в следующем году в дом залезете, то бишь в нашу спальню? А как же личная жизнь? Право на её неприкосновенность? А потом ещё и ложе супружеское отберёте да швейцаром работать заставите?» В моём воспалённом мозгу пронеслись картины Апокалипсиса в одном, отдельном взятом доме – загаженный балкон, кучки помёта, разбросанные там и сям по всем комнатам и мы сами с мокрыми тряпками подтирающие за господами-птицами. Нет, так не пойдёт. Однако что ж, получается, они всё-таки наступают, отхватывают себе всё больше территории? Мало нам травы, упорно стремящейся отобрать у нас мощёную плиткой террасу, мало муравьёв, взявших по всем правилам военной науки

наше жилище в осаду, так ёщё и эти теперь! Первой мыслью было уничтожить заразу на корню, то есть на стене, снова разметелить шваброй их воровской притон до основания. Я уже занёс было руку со своим оружием возмездия, но остановился на полпути, а вдруг там яйца? Эти-то не причём, ёщё не родившиеся, то есть не вылупившиеся. Хотя из них ведь такие же подлые заср...ы вырастут. Жалко, да и их безмозглых родителей тоже, глупышек этих с крыльшками. Ну как так можно не помнить, что там, на крытой площадке второго этажа их ждёт опасность в виде двух, а то и четырёх-пяти страшных

созданий, способных радикально удлиняться при помощи каких-то палок! Ведь уже два раза обжигались! Ну что тут поделаешь, как быть? Нет, чувство жалости в сторону, когда речь идёт о борьбе за существование! Или мы, или они! Я решительно двинулся к гнезду, но тут прямо перед глазами порхнула ласточка, словно почувствовав, какая судьба ожидает её домик. Давит, врагиня, давит на слабость человеческую. Отступил на время, решил посоветоваться с Юлей.

Поразмыслив, приняли решение перевести незваных гостей в разряд квартирантов по линии благотворительности, надо оставить их в покое, пока, до поры до времени. Да и дерьяма они за время нашего отсутствия не так уж много произвели, это не то, что обосновавшееся на балконе их прошлогоднее свежевыведенное потомство, тогда весь пол, все шезлонги и раскладушка за три дня были загажены. Отмывал потом, наверное, часа два. А тут только пятнышко диаметром сантиметров тридцать, ерунда, можно потерпеть, коли

там потомство готовится. На том и порешили с Юлей, посмотрим, что там происходит и что-нибудь предпримем или наоборот, оставим как есть.

Но подошло время испытать наше вынужденное сожительство. После обеда, завершив все срочные дела и оставив несрочные на потом, мы комфортабельно устроились под сенью балконной крыши. Приятное тепло (не холодно и не жарко), вид на озеро и заозёрное поле на горке, которое почему-то местные зовут Болдино (никакого отношения к болдинской осени Пушкина не имеет), тишина, нарушаемая лишь птичьим щебетанием. Однако идиллией это оказалось не для всех. Наши незваные постояльцы сильно заволновались – гнездо надолго оставлять не хотели, а два гиганта со странными прямоугольными плоскостями цвета «металлик» на коленках (вы, наверное, догадались о чём речь – на балконе писать особенно приятно) наводили на пташек жуткий страх. Они подлетали к нам, чуть залетая под крышу, но в какой-то момент зависали, судорожно маша крыльями, и, издав нечленораздельный писк-крик, совершенно отличный от только что спокойных, размеренно-деловитых птичьих голосов, делали боевой разворот на 180 градусов, который у военных называется простым словом «драп». Писк, видимо, означал что-то вроде «Атас, там опять эти!» А может, конечно, они нас пугали таким необычным звуком, вроде наводившей ужас на необстрелянных бойцов сирены у немецких «юнкерсов». У птиц, как известно, душа – потёмки. Это продолжалось, наверное, не меньше часа. Ласточки кружили перед домом, потом снова и снова пытались незаметно, как им казалось, пробиться к желанной цели. Пару раз они проскакивали-таки через наш непреднамеренный заслон, но до гнезда не долетали. Сначала птичка свернула, едва Юля вслух констатировала пролёт, потом я неудачно пошевелился, и звук скрипнувшего шезлонга спугнул пташку. Мне стало жалко ласточек, говорю жене: «Давай уйдём?» Она в ответ: «Хватило ума построить дом в опасном месте, так пусть привыкают к опасности!» Наконец, когда я ушёл вниз покормить голодного Матвея, птички прорвались к заветной цели через наш обескровленный левый фланг и стали осмеливаться пролетать к гнездышку мимо одиноко смакующей эту картинку Юли. Я вернулся, что там Юлин гуляш с пюре разогреть в микроволновке – долго ли? Матвей, конечно, сам способен, он и готовить кое-что умеет, но хочется ребёнку, чтобы за ним поухаживали.

Теперь ласточки между нами начали проскакивать. Но при этом надо было не шевелиться, ибо малейшее движение пугало их. Всё-таки мысль о том, что же в гнезде не отпускала нас. «Не вопрос», – заявила Юля. Она принесла камеру и засняла на видео их подлёты и отлёты. Получилось неплохо, только немного размазано, уж больно быстро двигаются эти твари! Затем подняла аппарат на вытянутой руке, держа его за ножки штатива, и вслепую зафиксировала гнездо, там, действительно, лежали яйца. «Её моё! – чертыхнулся я, – это же сколько их терпеть ещё придётся! Империя контратакует!» Да до конца лета, наверное. Выходит, первое потомство сдохло

по неизвестным причинам, так они вторую кладку наладили! Ох уж эти птахи с малтузианским уклоном! «Ладно, потерпим, но как только птенчики начнут летать, я вас отсюда выдворю! Ведь я ваши не светские манеры знаю!» Однако привыкайте, время от времени буду выходить к перилам балкона и нагло стоять во весь рост, что ж, любишь с горочки кататься, люби саночки возить. В смысле терпи нас, мы тоже тута живём!

Хотя таким образом мы лишь утешаем себя, ведь стоит только птенцам вылупиться и начать отправлять естественные потребности, как под балконной дверью образуется приличная лужа из неприличного материала. Ибо пока эти твари летать не умеют, они немного высовывают из гнезда свой миловидный хвостик, откуда падают совсем не миловидные капли кислотных осадков естественного происхождения. Ласточки вернулись, и на этот раз им удалось нам отомстить.

ПОПАДЬИНО, ИЮНЬ 2018 ГОДА

ОДИН ДЕНЬ В ДЕРЕВНЕ ИЛИ В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ОТДЫХА

Жизнь в деревне спокойная, неторопливая, но время летит быстро. Оглянуться не успеешь, а дело к вечеру идёт. Пора сесть, написать что-нибудь. И вроде ничего такого не сделал. Так уж устроен наш сельский быт. Он состоит из десятков, если не сотен мелких, незаметных занятий и хлопот. В их бесконечной череде несколько особняком стоит то, что составляет основу размеренности нашей деревенской жизни – надо заниматься участком, он не маленький и каждый день требует ухода за собой, ещё хочется не забывать о поддержании тонуса организма, нагружая его всевозможными упражнениями, определённое время посвящать детям, а в свободные минуты посмотреть что в мире творится (именно так, творится, в наши дни этот термин, а не слово происходит, например, лучше отражает события на планете Земля).

Итак, начинается новый день. Что он несёт с собой где-нибудь в Ираке или Сирии? Даже думать не хочется, а у нас всё тихо, сквозь откинутое окно слышен только щебетание птичек, да порой проснётся вдруг беспокойный цепной пёс, что живёт в своей будке метров за двести от нас. Далековато, а, кажется, будто гавкает под балконом. В остальном - тишина, такая, что утром вставать всегда трудно, даже, если не спишь уже давно, ворочаешься, перекладывая с боку на бок своё сонное тело, пружинно сжавшееся перед приятными потягушками. Но вот приходит момент, когда говоришь себе: «Всё хватит, надо что-то делать!» Поднимаешься с постели, но ещё весь заторможенный, хотя голова уже работает чётко. Как скорее перейти из нематериальной жизни снов во вполне материальную реальность? Самый простой способ – купание в озере. Оно мелкое, не глубже четырёх метров, а поэтому вода в нём прогревается до приемлемой температуры довольно быстро, купаться можно всё лето, даже когда временно холода до 16-17 градусов днём, всё равно в воде теплее, чем зимой на Мадейре, где плавание составляет обязательную часть нашего дневного распорядка.

Сотню метров до мостков можно пробежать за полминуты, ноги сами несут вниз по прокошенной тропинке на склоне. Но с утра бежать тяжело, лучше идти неспешно, вдыхая полной грудью пахнущий сеном деревенский воздух. На берегу раздеваешься, вода в озере стала выше в прошлом году, поэтому помост местами залит водой, идти надо аккуратно по скользким

доскам, а то завалившись в топкий прибрежный ил. Вот и край мостков, раздва и прыг в нашу маленькую бездну, солдатиком, с головой. Сначала холодно, брр, зачем меня сюда понесло? Лежал бы в тёплой постели! Но какое райское наслаждение испытываешь, когда, вынырнув, переходишь к правильным водным процедурам – гребок левой, гребок правой, двумя одновременно, ещё двумя, по-любительски имитируя брасс. И никого! Ты один на всём озере, можно делать что хочешь, можно спокойно лежать посередине этого тихого водоёма – за день пройдут две-три вёсельных лодки (на моторе у нас не ездят), никто не потревожит, можно орать, никто не придёт призвать к порядку. Какое это счастье – мимолётное, но осязаемое обладание пространством. Оно всё твоё – и тихая водная гладь, и склонившиеся над ней ветви кустарников, и солнечный свет, согревающий своими тёплыми лучами водную чашу, и угадывающаяся протока в соседнее озеро. Можешь так провести час, два и никого не увидеть. Лишь метрах в пятидесяти на тебя смотрят любопытные утки: «Ой, кто это, кря-кря, что это, кря-кря, каким, кря-кря, боком оно на нашей территории оказалось?» Они ведь тоже здесь всё своим считают, естественных врагов у них тут нет, кроме охотников, конечно, но ещё не сезон. Понаблюдав за купальщиком, утки перелетают подальше, в другой конец озера. Оно уходит далеко направо, с километр до того берега, а потом ещё одна протока и другое озерцо, поменьше. Столько проплыть можно, конечно, только цель ставилась другая – пробудиться окончательно и бесповоротно, и она достигнута.

По горке наверх взбираешься чуть ли не бегом, мощный заряд энергии от купания в освежающей водице прямо-таки гонит вперёд. Ну, теперь можно и зарядку, как только я её в городе делал без живительного плавательного импульса? Выходит, это был подвиг, как говорил бургомистр из «Обыкновенного чуда». Выходит, да. Я никогда не занимался никаким видом спорта, кроме диванного, перед телевизором, считал это пустой тратой времени, поэтому не надо думать, что я этакий пожизненный спортсмен, неспособный и дня провести без тренировки. Нет, не люблю их, только вот к теннису в последнее время пристрастился, бегаешь за мячиком как собачка и радуешься команде «апорт!» Это другое, наверное, старость надвигается. Старики ведь в чём-то становятся похожими на детей. Однако минут двадцать пять (а в городе целых сорок) каждодневного активного дрыгания руками и ногами, отжиманий (и, хотел сказать, приседаний, но нет, они не входят в программу, а надо бы ввести) дисциплинирует, не даёт закиснуть внутренним стяжкам и шарнирам. Уххх, программа упражнений выполнена, теперь можно и отдохнуть, посмотреть в непременном интернете новости дня. В группах

тоже почитать комментарии, да свои добавить. Так время и летит ну просто с неумолимой скоростью, глядь, а уже одиннадцатый час (между тем ещё детям сосиски или яйца сварил да кошке-бедняге, старушке нашей, в правый глаз все лекарства закапал и блевотину её ночную убрал, нажрётся за день травы, потом извергает её из себя, хорошо, не Матвею в кровать, он с ней любит засыпать). Пора поесть что-нибудь, дать организму топлива, чтобы процессы жизнедеятельности не застывали намертво.

Бабушка моя имела только два класса образования, с коридором, как она шутила, то есть выгнали её, кажется, но порой излагала совершенно верные с точки зрения современной науки истины. Вот одна из них: «Завтрак съешь сам, обед раздели с другом, ужин отдай врагу!». Я ей следую лишь в первых двух частях, насчет вечерней трапезы никак не получается, наоборот, чаще возникает желание отнять её у гипотетического врага. И даже первую дневную трапезу поглотить самому удаётся только в деревне, может, чистый воздух вызывает повышенный аппетит, может, ещё что, только в городе утренний подход к нашему семейному шведскому столу у меня чисто символический – пару стаканов кефира, и всё. А вот в деревне отрываешься по полной программе – кроме традиционного молочнокислого напитка, тут и творог от соседа самодельный, и йогурт Юлиного производства из деревенского, жирного до желтизны молока, да ещё чай с конфетками или пастилой какой. Здесь надо запасаться силами. Поскольку сразу после завтрака идёт уже не физкультура галимая, а самый настоящий деревенский труд.

Ведь пока всё вокруг не выкосишь, не успокоишься. Там же и крапива, о которую обжигают голые коленки дети, и комары жарким днём находят прибежище, чтобы после семи-восьми часов вылететь на свободную охоту на четырёх беззащитных двуногих тварей, а могут и змеи с ужами прятаться. Наткнёшься на такое пресмыкающееся, а оно как кинется на тебя. Даже уж, которого по незнанию многие считают безобидным, может пребольно укусить, в деревне такие случаи бывали. К нам на майских на мощёную плиткой террасу заполз глупый ужака, Юля его гоняла шваброй минут пять, пока он не догадался уползти в траву, извиваясь всем своим гутаперчивым телом. Поэтому по приезду на лето, где-то в самой середине июня, я дней пять кошу. По окончании сенокоса приходят другие заботы. Им несть числа.

Косьба – дело умиротворяющее. Равномерные движения рук и ног, чик-сверк серо-чёрного лезвия и падающие ряды зелени. Нет, не той, хорошей, которую разводят в горшочках, а той, что норовит у тебя оттяпать всю твою землицу, да ещё и террасу с придомовой отмосткой пробить изнутри. Дай

волю, оно, это буйство дикорастущее, и весь дом оплетёт своими спрутовидными ветвями и стеблями. Ничто на Земле, наверное, не растёт так споро, как побеги клёна, им позволь тянуться вверх года три, как они уже стоят стройными рядами перед глазами вместо вида на озеро. Ещё лет пять и на балкон к тебе залезут. Поэтому выкашивать или обрезать там, где мы им разрешили расти, надо обязательно, и не только их. А косить в этом году одно удовольствие. Весна и лето нынче выдались сухие, местные жалуются, травы невысокие выросли, сена не напасёшься для коров. Зато таким неумелым косарям, как я, проще. Трава легко подаётся напору косы. Из упавших и ещё держащихся стебельков вылетают толпами комары и бросаются в неравный бой с косарем. Свободных для атаки поверхностей мало, поэтому стараются впиться в голые руки, лицо и даже волосы, давиши их чуть ли не десятками. Китайская пехота пошла на пулемёты. Потом, после трудов праведных, вычёсываешь из волос влажные комочки, сколько их, Господи!

Но косить не прекращаешь, нужно. Мы ведь сначала электрическими триммерами пытались. Деревенские смотрели да посмеивались. Когда я овладел самыми примитивными навыками работы с косой, я их усмешки понял. Обычный триммер, друзья, это для дач, чтобы ровненький газончик постригать, а мы почти в лесу живём, справа лес, слева – лес, сзади – лес, лишь спереди озеро, тут этой городской игрушкой не обойдёшься, надо что-то помощнее или коса. Вот и кошу я пока не надоест, точнее пока изнеженные комфортом ладони не подскажут: «Пора остановиться, если завтра хочешь тоже косьбой побаловаться».

После полевых работ можно и кофейку выпить с молочком взбитым, любезная супруга приготовит. Она вообще любит готовить, правда только кофе, остальное с надрывом. Медленно процеживаешь волшебный напиток сквозь полузакрытые губы, готовясь к новым трудовым свершениям. А они ждут. Надо обустроить при помощи кирпичиков нормальный спуск к дороге – так короче идти к озеру, прибить новую ступеньку взамен оторвавшейся у лестницы мостков. Вполне рутинные занятия, поэтому рассказывать о них не интересно, чего не скажешь о проверке ловушек.

Это такая игра с самим собой, и занятие одновременно. Вместо того, чтобы тупо кидать спиннинг часа два-три, интеллектуально садишься в лодку и гребёшь на противоположный берег, целых метров сто двадцать. Рыбные ловушки – сетки-мешки на металлическом каркасе, куда рыба может войти, но выйти – только мелкая и с огромным трудом. В первый раз кидаешь туда кусочек хлеба, любого, лучше засохшего или заплесневелого, его не жалко. На

хлеб приплывёт мелкота, и не она одна. На попавшую в западню живность придёт щука или окунь. Так вот, интеллектуальная добыча щуки и состоит в том, чтобы каждый день плавать и проверять эти ловушки. И щуки-то нам не особо нужны, и выхлоп смешной, крупный хищник попадается в среднем раз в неделю. По затраченному времени это часа четыре на особь, но ведь главное – процесс. Как там высказался красноармеец Сухов, когда после купания в тёпленькой воде Каспия он обнаружил своё оружие в руках у басмача и услышал вопрос насчёт того, как он, Сухов, желает умереть, сразу или помучаться? «Желательно, конечно, помучаться». Вот и я не ищу простых и быстрых путей, помучаться оно ближе. Хотя какое это мучение?

Опять один на всём озере, тишина, иногда всплеснёт рыбка, чайка прокричит какой-то лишь ей самой понятный резкий звук. Гребёшь помаленьку, куда спешить? Работаешь вёслами не как положено, а лицом вперёд, так чуть медленней, но зато намного приятней – видишь цель и спокойно приближаешься к ней. Никто никуда не торопится. Сегодня в дополнение к собственным ловушкам надо проверить ещё и соседские, хозяева уехали на неделю в Питер и попросили не забывать и об их приспособах. Ну ладно, вдруг хоть в одну из восьми щука заплывёт? В этом и состоит удовольствие от такой рыбалки – тащить из воды ловушку, в которой (ты чувствуешь уже) извивается, бьётся о редкую вязь стенок крупное рыбье тело. Вытащить щуку мало, она ведь выпрыгнуть за низкий борт способна, поэтому дедовским, жестоким способом ухватываешь её, извивающуюся, дрыгающуюся, одной рукой за хищную пасть (сжав её со всей силы), другой за хребет пониже заголовного горба и хрясть – хрустнул щукин позвоночник и почти все жизненные силы покинули подводного хищника. Он мгновенно обвял, лишь временами чуть дышит и превратился в неподвижный экземпляр магазина «Свежая рыба». Некоторые используют другие, более безопасные для умертвителя методы – взят с собой деревянную колотушку, и щуке этой штукой по голове раз пять со всей дури. Не очень эффективно, она ведь не ждёт тупо удара, а извивается, зараза. Можно ненароком соседу по лодке влепить. Но наша деревяшка уплыла куда-то, вот поэтому приходится действовать более радикальным способом.

Однако сегодня опять ловушки пусты, лишь в некоторых затесалась мелочь-приманка, осталось всего две, но начинаешь уставать – работа не самая лёгкая – надо притулившись к поплавку ловушки с нужной стороны, проринаясь вёслами сквозь обильную донную траву, она цепляется за них, заросли не достают до поверхности всего сантиметров тридцать, мешают, не дают гребти. Озеро не любит расставаться со своими детьми. Наконец, когда нос лодки

утыкается в прибрежный камыш, ловишь протянутой рукой пластиковую бутылку-поплавок и тащишь, ох тяжела ты доля рыболова! Объёмная, литров на пятьдесят ловушка тянет с собой столько же воды, да ещё цепляется за переплетенья озёрной растительности, бывает, вспотеешь, пока поднимаешь. Однако предпоследняя верша, подготовила небольшой сюрприз и вознаграждение за ненапрасные труды – пара жирных, под двести граммов карасей. Вот и заработал себе на обед, кроме меня, рыбу в семье никто особо не уважает, разве что младший сынишка, но он сегодня ждёт мясо. Так что Юля пожарит сладкую парочку, мне вполне хватит этих жёлтых, как будто лоснящихся от жира представителей озёрной фауны. Карасёв съест карасей, такой вот незамысловатый каламбур.

Но осталась ещё последняя рыбная мышеловка, гребу к ней без особых ожиданий, сегодня улов уже был. Вот она, серая от водной грязи верёвка видна отчётливо, не надо даже подплывать к полузатопленной бутылке, закинутой подальше в траву. Ну, что же там? Ух, как дернулся шнур в руке, аж лодка покачнулась, так и есть, в открывшейся глазу на половину ловушке бьётся, трепещется на самом донце что-то сильное, мощное, не привыкшее к участи жертвы. Ну что ж, сюда иди, вытаскиваю в лодку беснующуюся в своей тюрьме щуку. Велика, зараза, килограмма на полтора, такая может, наверное, и палец откусить, не моргнув глазом. Поэтому кончаю её ещё в ловушке, обхватив через сетку, как положено, двумя руками. Не идёт, гну-гну, а ей хоть бы хны. Наконец, треск. Всё, можно плыть домой.

Иду довольный, сплавал-таки не зря. Да нет, зря никогда не бывает, но, если есть результат, то вдвойне приятней. Меня встречает семейство в полном составе и с двумя холщовыми мешками. Понятно, пошли играть в городки на футбольное поле, что ж можно развлечься для разнообразия. Только не долго, время уже обеденное. Оно, повторюсь, летит в деревне быстро, прямо, как полёт пары уток, они сначала на взлёте с воды машут судорожно крыльями, постепенно поднимают свой лодочный корпус, становясь на лапы, вроде судна на водных крыльях, волны разбегаются во все стороны, потом отрыв, набор высоты, обязательный крутой разворот, и вот уже скрылись за прибрежным кустарником две амфибии.

В городки поиграли всего ничего, сегодня не заладилось, биты летят куда-то не туда. Только Матвей показал великолепную результативность, бросил всего два раза, а не двадцать два, как все остальные, и с первого захода разнёс четыре стороны рюшки, сложенные по правилам в форме пулемётного гнезда. Вот так вот, а сколько там натикало? Однако уже третий час во всю стучит секундной стрелкой, бессмертный Хронос вкупе с урчащими животами подгоняет к столу неудачливых гордошников - обед, который надо ещё довести до ума – разогреть гуляш с пюре да накрыть на стол, жареные караси переносится на ужин, подожду, не страшно.

И только после дневной трапезы наступает личное время, часов до семи, когда можно поваляться в кровати с книжкой в руках или посвятить себя бумаго(экрано)маранию. Но сегодня не тот день. Быстро посмотрев прогноз погоды, я отдаю себе отчёт, что она завтра испортится – похолодание и дождь. Так, надо заставить детей выкупаться, ну и самих себя тоже, наши чада, несмотря на почтенный для детей возраст, без нас отказываются купаться в озере. На мадейранском пляже – пожалуйста, здесь – нет. В озерце нашем в последние годы они вообще неохотно плавают, иногда под угрозой расстрела (он выражается в лишении их компьютеров). Сколько их сверстников мечтает побарахтаться в тёплой водичке, а Карасёвы-младшие делают это из-под палки. Сначала долгие уговоры, которые ни к чему не приводят, только Матвей демонстративно бросается пылесосить детскую комнату, дескать, он занят, потом безрезультатные угрозы, затем следует показательная конфискация компьютеров, лишь она возымеет действие. Дети дружно переодеваются в купальные наряды, и, понурив голову и что-то недовольно бормоча, грустно бредут вслед родителям к водоёму. Это у нас называется «радостно выкупались».

Наконец, наступает возможность посвятить время самому себе, пора бы – уже почти четыре часа. Но мой план разрушен появлением соседа Пети, он живёт один, скучно человеку, от телевизора, говорит, уже бы на стенку залез, кабы ноги позволяли (Петя разменял восьмой десяток). Надо уважить человека. Посидеть с ним, составить ему компанию и поднести ему чарочку (больше он в гостях не пьёт, боится не дойти до дому, и трезвый-то ковыляет как закутанный в бабий платок полузамёрзший пленный немец в застывшей от холода сталинградской степи). Несспешно покалякали ни о чём, да проводил соседа через наше поле до его избы, так короче.

И только после пяти удаётся сесть за компьютер и медленно, с остановочками, отвлекаясь на виды, открывающиеся с балкона, кропать этот нехитрый рассказик. Но не долго. На три дня вперёд обещан дождь, поэтому всё семейство после семи выходит на аврал. Дети с мамой сгребают скошенную мной траву, а я посвящаю себя огню. Сегодня я – огнепоклонник, а точнее его обслуживающий персонал. Буду бросать в пасть красно-синего Молоха очередные жертвы. Надо сжечь состриженные Юлей сучья и побеги, доски от развалившегося большого щита, оставшегося в наследство от строителей, и много другого бумажно-деревянного хлама. Может, кто подумает, вот, мол, такое удовольствие сидеть перед костром, медитировать, предаваться приятным мечтаниям и не спеша ворочать кочергой обгорелые головешки. Да не сидеть на приятном расстоянии, а стоять, да подбрасывать постоянно в огонь всё новые и новые деревяшки. Так что на самом деле, работа не очень привлекательная – тащить все подлежащее сожжению к кострищу, а потом шерудить в нём железякой, поминутно чувствуя его обжигающее дыхание. Станешь с одной стороны, ветер тотчас поменяет направление, и тебя накроет облаком едкого дыма, устроишься с другой – ситуация повторится и там. И так два часа, пока, наконец, не сгорят самые упрямые деревяшки, норовившие всё время скатиться с огненной горки куда-нибудь в сторонку, подальше от жара пылающего пламени.

Лишь к полдесятому удаётся разобраться со всеми делами, смыть в душе запах костра, и приняться за свежеизжаренных карасей. Щука оставлена на заливное. Горяченькие, с обжаренными до приятной хрупкости плавниками и нежнейшим мясом, рыбки просто просятся в рот. Вкусно, ещё лучше сопроводить яство соточкой из охлаждённой в холодильнике бутылки «Мерной». Ляпota, так жить можно, но на подвиги, физические и литературные сил нет, поэтому соглашаюсь на давно выдвигаемое детьми предложение посмотреть с ними английский фильм об офицере флота Его величества в разгар войн с революционной Францией – Хорнблауэр, так по

фамилии главного героя называется сериал. Неплохой, кстати. Вот это уже настоящий отдых, а то целый день – туда-сюда, то то, то это, то с тем, то с этим. В общем, хороша дачная жизнь в деревне, за день так наотдыхаешься, что к ночи бывает даже книжку почитать сил нет, только тупо смотришь в телеэкран. Проснулся, размялся, впрягся, поел, впрягся, отдал родительский долг детям, впрягся, поел-попил, впрягся, добрёл до кровати, упал, отключился - романтика!

P.S. На десятый день пребывания в деревне, в первом часу дня, я неожиданно осознал, что на сегодня нет больше никаких дел. Неужели? Начинается настоящий ленивый отдых с чтением на балконной раскладушке и ежедневной вечерней рыбалкой? Иллюзия! Тут же вспомнил, что надо заняться оснасткой купленного накануне углепластикового удилища. А ещё я давно собирался навести порядок в ящиках с инструментами и в коробочках с саморезами и гвоздями, так и сел за это неблагодарное (потом опять мне всё накидают как попало) занятие, растянувшееся часов до трёх. Ну и после обеда дети выступили с предложением, от которого нельзя отказаться, – поиграть в городки. Так время опять незаметно подползло к вечеру.

Восстановленная вечером по памяти подлинная хроника событий дня 21 июня 2018 года

(некоторые процедуры опущены, но они тоже имели место быть)

Подъём поздний в 8-50

Всякое разное до 09-05

Купание до 09-25

Зарядка до 09-50

Интернет до 10-15

Завтрак до 10-30

Мелкие дела до 11-15

Проверка ловушек до 12-10 (был только один карась, парочку вкупе со щукой вытащил на следующий день)

Обустройство ступенек на спуске тропинки до 13-10

Ремонт лестницы мостков и незапланированное купанье до 14-05

Уговоры и переодеванья, общее купанье с детьми до 14-50

Обед до 15-45

Городки до 16-15

Посиделки с Петей до 17-05

Наконец, личное время до 19-05

Arbeit macht frei до 21-20 (костёр и прочее)

Душ до 21-35, офигенно устал

Ужин и 150 до 22-15

Просмотр кино с детьми до 23-40

Интернет, группы и до 01-20.

Отбой и сон - 01-20

ИЮНЬ 2018 ГОДА

Это должен был быть самый обычный день

Это должен был быть самый обычный день в деревне. Рутинный: зарядка, плаванье, завтрак, разные хозяйствственные дела. Каждый день они берутся откуда-то. Накануне с чувством огромного удовлетворения подумаешь: «Ну вот и всё. Завтра – только детей выкупать в озере, да ловушки проверить». Ах нет, назавтра: на тебе – замечаешь, что за домом траву пора покосить, а наш огромный балкон зарос грязью, и его надо бы прибрать, да на веранде, заставленной велосипедами, лопатами, граблями и прочими крайне необходимыми в хозяйстве вещами, вплоть до генератора, давно пора порядок навести. И так всегда. Что-нибудь да найдётся, пару раз в неделю надо посетить славный город Невель, тамошний рынок и пройтись по продуктовым, хозяйственным, строительным и некоторым другим магазинам со старательно составляемым с последней поездки туда списком. Порой приходится в поисках какой-нибудь крайне «важной» ерундовины, например, черенка для граблей нужного диаметра и длины (длиннее стандартной), объехать три-четыре однотипных торговых предприятия. Объехать да не найти и продолжать сгребать скошенную траву старыми граблями без двух зубов. Или вот понадобится вдруг лак для дерева, да сразу две банки. Спрашиваешь:

- Лак «сосна» есть?

- Есть, - отвечают.

- Дайте две банки, пожалуйста!

- Не-е, только одна, берите «махагон», их аж пять штук!

- Нет, дайте «сосну».

Вот и покупаешь единственную ёмкость нужного цвета и странствуешь дальше по местным стройхозмагазинчикам в поисках ещё одной «сосны». Такой вот шопинг по-невельски. Слава Богу, в тот день это увлекательное занятие меня не ожидало, как и генеральная уборка, львиная доля которой стала падать на мои неширокие плечи с того момента, как Матвею наложили гипс на правую стопу. Плюсну сломал ногодник, повеселился в аквапарке. Теперь прыгает на костылях и смотрит, как младший брат с папой корячатся да советы даёт. Короче, без конца, то то, то это.

Но в день, о котором я пишу, никакое «планов громадьё» не маячило на горизонте, и существовала вполне обоснованная надежда расквитаться с мелкими домашними проблемами до обеда, а потом, потом уже можно посвятить себя блаженному лежанию на просторной лоджии-балконе с вытащенным из старых запасов журналом «Новый мир» или «Знамя» восемьдесят восьмого года издания. Хорошее было время для любителей чтения. Столько всего появилось, что и сейчас находишь для себя немало интересного. Например, статью об анатомии дефицита в советской экономике, ну кого это сейчас волнует? А мне вот до сих пор хочется разобраться, почему я из Пскова в Ленинград за варёной колбасой псковского же производства на поездах ездил? Неужели никак иначе было нельзя? Такой хитрый способ дотирования советских железных дорог? Или вместо медитирования над книжкой засесть за какой-нибудь рассказик. Там же, на балконе, где никто не дёргает, где никому не нужно срочно варить сосиску или подать костили, где умиротворённая картина полуспящей от отсутствия людей природы помогает отрешиться от всех забот, там писАТЬ, писАТЬ, писАТЬ...

Надежда уединиться на балконе согревала мою душу и в это утро. Накормить детей обедом, самому перекусить и вперёд, в царство Лиры. Немного усложняло задачу отсутствие Юли, всегда могла возникнуть какая-нибудь непредвиденная незадача, в разрешение которой пришлось бы погрузиться ну если не с головой, то по самые руки. Ведь костылями Матвея наши весёлые приключения в этом сезоне не ограничились. Накануне позвонила Юлина мама и сообщила ещё одну «радостную» весть: она сломала руку, причём главную, правую, просто споткнулась о трамвайную рельсу и загремела во всю ивановскую. Хорошо, что никакая добрая Аннушка масло не разлила том месте, и комсомолки-вагоновожатой не наблюдалось поблизости. В общем, бросив нас на произвол изменчивой этим летом погоды со всеми её мерзкими проявлениями (холодами до плюс десяти вместо послеобеденной дремотной жары, сорокавосьмичасовыми дождями, бешеными, жадными до электрических проводов ураганами), Юля укатила на ночном поезде в Питер, водить восьмидесятидвухлетнюю бабушку по врачам, покупать лангетку в ближайшей медтехнике, кормить обезрученную мать свою и всё такое. Вернуться Юля должна была дня через три-четыре и уже вдвоём, с бабушкой (нет худа без добра, бабушка хоть посмотрит на нашу жизнь в деревне, в обычном состоянии её туда даже самыми любимыми пряниками не заманишь).

В общем мне не терпелось увидеть преобразование нашего деревенского дома в полевой госпиталь с двумя ранеными, главврачом (Юлей) и завхозом в лице моей персоны, спешащей повесить на входной двери табличку

«Свободных мест в палатах больше нет». Ведь это так здорово, поднимать с пола вечно падающие с грохотом костили, являться по первому зову временного инвалида с дежурной улыбкой на лице и обязательным «чего изволите на это раз?» Пока Матвей один, а скоро больных будет двое. Немного времени до этого веселья оставалось, и я хотел использовать последние, не слишком насыщенные больничной атмосферой, дни по максимуму.

Поначалу всё шло по плану: я выполнял свою обычную утреннюю программу, дети не требовали слишком частой перемены блюд и не пытались сломать друг другу ещё какую-нибудь конечность. Но в пол-одиннадцатого из туалета раздался злой вопль Матвея:

- Кто выключил свет? Тихон, ты опять?

Я посмотрел на младшего сына: он сидел в кресле, держа на коленях ноутбук, на уши были нахлобучены большие чёрные наушники, смотрел на экран и смеялся. Не над Матвеем. Тихона с нами не было. Тогда я проверил ближайший выключатель: всё работало.

- Ну включите свет! – раздался повторный вопль из туалета.

Я попробовал – безрезультатно, выключатель был в рабочем положении. Щёлкнул светом в коридорчике, никаких изменений в освещённости. Так, это не лампочка перегорела. Пришлось провести ревизию электроприборов, результат оказался малоутешительным – половина светильников горела, половина – нет. Розетки тоже функционировали в сильно сокращённом количестве. Автоматы все в верхнем положении, ничто само не выключилось, а на счётчике моргал только один огонёк вместо трёх. Понятно, из трёх фаз осталась лишь одна. Ближайших соседей эта маленькая авария не затронула, только у нас три фазы и подводка к ним. Звоню в местные «Россети», ответили: «Ждите, бригада освободится и приедет». Ответ обнадёживал, бывало, что ждать приходилось три дня, правда после того, как ураган порвал провода чуть ли не на всём курортном Южном Берегу Псковской области. А тут накануне только дождик несильный пролился. Явно погода была не причём.

Нетерпеливый Матвей предложил подключить генератор, приобретённый после последнего глобального блэк-аута. Но это целая история – запитать дом через резервный источник, хотелось надеяться на более лёгкий исход дела. К тому же, холодильник работал, а водяной насос удалось оживить, протянув к нему удлинитель от оставшейся в строю розетки, на что Тихон восхищённо сказал: «Папа, ты – гений!» Вот они, компьютерные дети, устанавливать программы и драйверы «могём», а додуматься до простейшей манипуляции со

шнурами – не всегда. С другой стороны, это хорошо, дети начинают больше ценить своих отстающих от компьютерных новшеств родителей. Оказывается, они тоже что-то умеют.

Электрики приехали очень быстро, они поставили почти рекорд: меньше, чем через два часа после звонка в их контору. Я как раз разобрался с текучкой и собирался осведомиться у детей о пожеланиях насчёт надвигающегося обеда. Но вместо своих отпрысков я увидел влетающий на нашу горку «газон» с вышкой. «Молодцы, – подумалось, – оперативно!» и начал вовсю призываю махать руками: «Сюда, ребята, ко мне». Но стремительно ворвавшиеся в деревню работники «Россетей», не сбавляя скорости, попёрли прямо, не обращая совершенно никакого внимания на мою отчаянную жестикуляцию.

«Куда они прут? – попытался быстро вычислить я. – Больше ведь никто не вызывал, дальше только два дома с людьми и... болото!» Но водитель, наверное, раньше сидел за рычагами полярного вездехода и на минуту забыл, куда заехал. В общем доблестные россетевики даже до болота не доехали, застряли в проезде между двух участков.

Когда я добежал до места происшествия, отзывчивые соседи уже передавали электрикам классические российские средства самовытяга: широкие палки и брёвна потоньше. Дело пошло. Я лишь поинтересовался, какого чёрта они понеслись по направлению к болоту. Оказалось, ребята не с нашего участка, наши все заняты: Трехалёво без света стоит. Где это самое Трехалёво или Трехалявы, я понятия не имел, только название понравилось. Впрочем, у нас тут много интересной топонимики: Гультия, Авинище (жал слитно), санаторий «Опухлики», пограничный переход «Лобок», короче, есть, над чем задуматься, о чём помечтать.

Тем временем работа кипела. Водитель, высунувшись в пол оборота из кабины, отдавал команды, а мужики в курточках с надписью «Россети» со знанием дела подкладывали деревяшки в раздалбываемую с каждым разом всё больше колею. Видимо, до российских сетей частенько приходилось добираться подобным способом. Наконец, когда народ уже начал терять веру в успех мероприятия, «газон», видимо, устав бесцельно гудеть, взял и выбрался правым передним колесом из густого замеса грязи и палок. За правым последовало левое, за ним вытащились и задние.

Все обрадовались, особенно водитель. Он, несмотря на мой отчаянный крик: «Задом сдавай!» покатил дальше, развернуться ему, видите ли, захотелось. Или может, он просто не умел задом ездить. А дальше было ещё нет, не болото,

но залитый бесконечными дождями этого июля лужок перед двумя последними избами нашей деревни. В обеих лишь летние дачники, на тот момент не достигшие мест своего уединения. Посему дороги там вообще не было, и высокая трава старательно, как от американских шпионов, скрывала от глаз раскисшую глину. Вообще-то в подобных случаях шоферы обычно проверяют собственными ногами состояние почвы. Но это трусы. В «Россетях» же работают смелые. И погнал отважный водитель «газона». Я молча смотрел на эту картину, начиная понимать, что, скорее всего, всё-таки придётся возиться с генератором. Действительно, на развороте машина села окончательно и бесповоротно. Не помог даже самовытяг-трос, о котором вдруг вспомнил смельчак за рулём. Трос лопнул после минутного натужного рёва мотора «газона».

«Ох Андруха нам вставит по первое число!» - вздохнул кто-то из электриков. Оказалось, «газон» был не их. Бригада не с нашего участка, машина не этой бригады. Всё перемешалось в «Россетях». Оставалось самое последнее средство - трактор. Делать нечего, водитель со вздохом достал телефон, но тракторист почему-то не брал трубку. Тут, я осмелился, ну раз их шофер так не дружит с сельскими автобанами, пусть бы занялись электричеством, так сказать, своим прямым делом. Вышка ведь не во всех случаях жизни нужна. Например, чтобы открыть счётчик достаточно тонкой монеты. Я попытался это объяснить самому сознательному, как мне показалось, электрику. Высокий, круголицый молодой мужик лет тридцати пяти с добрым, но простоватым лицом согласился неожиданно легко, очевидно, я обладаю даром убеждения.

«Веди меня к своему столбу!» - покровительно произнёс он. На столбе висел наш счётчик. Мой возможный спаситель попробовал открыть коробку устройства. Не тут-то было. Он забыл ключ. «Принеси монетку», - начальственным тоном приказал электрик. Не проблема, счётчик открыли, он в нём поковырялся и никаких поломок не нашёл. Но запломбировать вскрытый прибор учёта не смог. «Это не наша работа, мы аварийщики, и пломб у нас нет! - авторитетно заявил специалист по авариям и продолжил, - В Невельэнерго заявление напиши, чтобы тебе снова запломбировали». «Ладно, - не унывал я, - пока ничего не починили, но уже что-то сломали, бывает».

Поехали на подстанцию, она, кстати, стояла по дороге к дому тракториста, которого безуспешно пытались вызвать по телефону. Не успев тронуться, вернулись за большими резиновыми перчатками, которые мой попутчик забыл в

траве около счётчика. Меня начинало настораживать, что он всё время что-то забывает, вроде ещё не в маразматическом возрасте мужик. Неясные сомнения мучали автора этих строк не напрасно. На месте, у одного металлического ящика, называемого всеми громким словом подстанция, выяснилось, что специалист по забыванию «посеял», видимо, в траве возле нашего столба, какие-то очередные ключи. «Да, - резюмировал я про себя, - «рассеянный с улицы Бассейной отдыхает».

Вернулись, ключи быстро нашлись, но первым делом решили всё же доехать до тракториста. Время идёт, а у аварийной бригады ещё вызовы в ожидании.

Водитель столь нужного трактора, оказывается, всё это время стоял в своём дворе и обсуждал с соседом президентские выборы на Украине, а телефон без устали звенел в кабине «Беларуса». Мой попутчик присоединился к дискуссии, и пока они все втроём, завершали экспертный обзор ситуации в соседней стране, я сбежал в магазин. Парадные ворота двора тракториста, украшенные вывеской «шиномонтаж 24 часа» выходили прямёхонько на зады магазина с мусорным контейнером и досчатым туалетом для продавщиц. Так что хлебом и мороженым для детей я успел затариться ещё до окончания дебатов.

Поехали назад. Электрик, которого, видимо, заедала совесть и размазанное всмятку профессиональное достоинство, предложил заскочить на подстанцию. Я почему-то согласился, хотя смысла большого в этом мероприятии не видел: скоро дотуда доберётся наконец вся бригада, и с рубильниками и клеммами разберутся без меня. К тому же мороженое не очень хорошо переносит летние температуры. Но решение было принято. На этот раз специалист быстро определил неисправность. Дело было в предохранителях, сразу два полетели.

- Менять надо? – предчувствуя очередное «не слава Богу», спросил я.
- Не-е, - уверенно протянул специалист и достал из кармана медную проволочку.
- Это что? – осторожно поинтересовался я.
- Соединю напрямую, если что, она первая сгорит, - сообщил электрик и после некоторой паузы добавил, - наверное.

«А если не наверное», - мелькнуло в моей голове. Но я тут же отбросил эту пораженческую мысль, хотелось верить, что на время и так сойдёт».

Но пока я предавался невесёлым мыслям, мой спутник засуетился, начал шарить у себя по карманам, высматривать все уголки короба с предохранителями. Оказалось, пока он прикручивал первый проводок, умудрился потерять второй, ведь два предохранителя полетели. Больше таких сложных изделий у него с собой не было.

В общем мы обшарили всю траву в диаметре двух метров, и вытоптанную нами, и девственную. Проводок, в буквальном смысле слова, сквозь землю провалился. Пришлось сдаться. Мы молча сели в мою машину и по возвращении каждый пошёл в свою сторону: электрик к образцово-показательно завязшему «газону», я – прятать в морозилку раскисшее мороженое. «Такое дети потом есть отказываются, ну так сам уничтожу эти несчастные брикеты», утешал я себя, захлопывая дверцу холодильника. Потом рука скользнула к карману и... и тут меня прошиб холодный пот. Кошелёк отсутствовал. В рабочих трениках, которые я одел сегодня утром, карманчики плохонькие, и я, если и клал туда что-то ценное, то старался придерживать опасное место рукой. А тут такие приключения. Но где моё портмоне из кожи американских буйволов (подарок одного штатовского поставщика), где оно могло вывалиться? «Постой, постой, - начал рассуждать я, - в магазине, расплатившись, я не мог оставить его на стойке? Мог. Ну тогда не страшно, народ у нас честный, продавщица меня знает. Или в траве, когда проволочку искали? Или в траве... Да, именно там».

Я запрыгнул в свою «антилопу гну» и понёсся к месту поисков злосчастной проволоки. Опять на карачках обшарил всё вокруг. И... ничего. Две кредитки, десяток карточек магазинов и тысяч двенадцать наличных канули в какие-то нети. «Ладно, - подумал, - может, всё же магазин?» Рванул к нашему райпо, а на дверях замок, обед, с двух до трёх. Посмотрел на часы, ещё сорок пять минут ждать. По дороге к магазинной «парковке» тоже ничего.

Решил съездить домой, вдруг я всё же куда-то машинально сунул его, а потом занялся растявшим мороженым? Но и дома кошелька не было. Мой слегка расстроенный вид заметили дети. Пришлось сообщить им печальную новость. «Теперь мы будем доедать только то, что в холодильнике, пока не приедет мама?» - поинтересовался Тихон. Успокаиваю, есть ещё мол, заначка, но про себя думаю, карточки, может, заблокировать, но решил всё же проверить версию с магазином. И пока он не открылся, можно ещё пошуршать около подстанции. Тем более, что Тихон требует принять участие в поисках. Похвальное желание, почаще бы помогал, и чтобы не только при таких совсем не смешных обстоятельствах.

- Я всегда приношу удачу, - заявил ребёнок с некоторым апломбом.

Я промолчал, вспомнив о количестве потерянных им телефонов, полотенец и плавок в школьном бассейне, не говоря уже о разбитых чашках и тарелках.

- Ну, поехали, - соглашалась я, лишняя пара глаз, даже таких подслеповатых, как у Тихона, не помешает.

- А я? – раздался обиженный голос Матвея, размахивающего костылём. – А меня почему не берёте?

- А ты дом сторожи, - нашёлся я и про себя, - а то ты на тамошних буераках себе ещё вторую ногу сломаешь.

На повороте к подстанции встретили электриков, они уже завершили сложную работу по подсоединению медной проволочки к сети. Пришлось им сообщить причину своего дёрганья. Мой бывший пассажир изъявил желание помочь.

- А другие вызовы? – удивился я.

- Подождут, ты что!? Ты ж кошелёк потерял, а не билет в кино. Ничего, потерпят немного. Подумаешь, без света ещё чуток посидят.

И мы двинулись к предполагаемому месту пропажи. Облазили всё втроём, толкаясь, как те девки в озере. Ниче-е-го! Но тут меня озарило. Глядя на своего взрослого компаньона по поискам, я вспомнил, что он просил посмотреть нет ли у меня проволочины в машине. Я, конечно, был уверен, что ничего подобного в моём авто быть не может, но на всякий случай, глянул. В багажник, в двери, в бардачок, и когда я открывал левую заднюю, мне показалось, будто что-то блеснуло в траве. Оказалось, просто игра света на капельке воды, но я ведь тогда наклонился. Подошёл к тому месту, раздвинул ногой стебельки – и точно, лежит подаренная буйволиная кожа со всем содержимым в той травке и в ус не дует, даже капли на неё не упало с не совсем высохшей после утреннего дождя осоки.

Больше всех радовался электрик. «Я ведь боялся, что ты на меня подумаешь!» Ну вот ещё что, жуликов и воров с таким лицом и с такой растяпостью не бывает. Мы пожали друг другу руки и расстались, думалось, как минимум, надолго. Хотелось бы подольше, ведь встреча с ним означала очередной приезд ремонтной бригады. Но я жестоко ошибался. Минут через десять, он вернулся. По его слегка озабоченному лицу я понял: проблемы не закончились. «Неужели неправильно что-то сделали и придётся переделывать», - забеспокоился я. Нет, причина оказалась более прозаичной. Мой новый знакомый опять, в который раз за сегодняшний день, забыл. Те самые толстые резиновые перчатки электрика. После потери кусочка меди, видимо, в расстройстве бросил на пол моей машины да так там и оставил...

Поставив на сигнализацию своё авто, я проводил взглядом «газон» ремонтников. «Всё, уехали, слава Богу, можно посвятить остаток дня себе». Но не тут-то было. Шёл четвёртый час дня, а дети ещё не кормлены обедом. Хотя одногий Матвей соорудил себе на скорую руку блюдо из трёх бутербродов с колбасой. За него можно не беспокоиться, он и на том свете сможет найти еду. А вот Тихон способен умереть с голоду при забитом до отказа холодильнике, если, конечно, по какому-то жуткому стечению обстоятельств не окажется мороженого в морозилке. Однако мой младший сын очень неприхотлив в кормёжке, достаточно сварить макароны, посыпать их тёрым сыром, и дело в шляпе. Что я и не преминул сделать, шляпу, то есть макароны, попутно помыв накопившуюся посуду.

Ну вот теперь пора и самому заправиться, добрый шмат сала на ломте батона да с зелёным лучком отлично удовлетворит мои потребности в пище материальной. Поглотив её, можно удобно расположиться в комфорtabельном кресле и потягивать коньячок, пару рюмок, это оптимальное количество снятия накопившегося за день стресса. Это мне удалось, но с мечтами о чтении на балконе пришлось расстаться.

Я успел почувствовать приятно согревающий эффект благородного напитка из города Ставрополь (ведь родной, российский, департамент Коньяк имеет площадь превышающую, пожалуй, территорию всей Франции, тут и Северный Кавказ, и Крым, и ещё несколько регионов). Хорошо, тепло и благостно. Я начинал переходить в состояние, называемое у буддистов нирвана, как раздалось характерное тарактение тракторного двигателя. Пришлось срочно возвращаться на землю, в будни. Приехали мужики из соседней деревни, отец и два взрослых сына по прозвищу Мальки. Все трое ребята здоровые, высокие, плечистые, но в наших местах прозвания дают иногда, мягко говоря, несколько странно. Вот в случае Мальков решающим фактором оказалась фамилия Молчанов, её таким образом просто укоротили. И за глаза даже отца семейства, мужика заметного и дородного зовут Малёк, как какую-то озёрную мелочь.

Но появились Мальки не случайно. Со старшим из приехавших была договорённость свалить засыхавший уже, наверное, пятый год клён. Дерево стоит почти перед нашей террасой и каждое лето все беднее и беднее становится его зелёное облакение. Как бы не рухнуло нам прямо на голову в разгар послеобеденного чаепития.

Я бы, конечно, предпочёл, чтоб они приехали в другой день, на сегодня план хзработ у меня уже был перевыполнен. Но, ничего не поделаешь, придётся присутствовать. Ведь так принято у нас, к тебе работяги приходят не только работать, с ними ещё и поговорить надо, уделить внимание. Жизнь на селе монотонна и не очень весела, если сидишь тут безвылазно круглый год, развлечений, честно говоря, почти нет, так хоть летом с дачниками поболтать между делом.

Но в случае с Мальками моё присутствие требовалось не только для того, чтобы лясы поточить. Люди они неплохие и, если не на себя, то работают не то, чтобы на совесть, но в целом неплохо. Однако хозяйствский присмотр нужен. А то мы как-то попросили их поставить в наше отсутствие обычный деревенский туалет подальше от дома. На всякий случай, электричество вырубится, насос полетит, всё бывает. Так они и установили нужник прямо перед окнами кухни, со стороны плиты и рабочей столешницы для готовки и мытья посуды. Когда «скучаешь» от однообразной кухонной активности волей-неволей взгляд останавливается на этом элегантном сооружении из неструганных досок и занавесочкой вместо двери. Вот стоишь перед плитой, кашеваришь и заодно, от скуки, конечно, можешь считать сколько времени в туалете проводит, и посетители этого заведения, отодвинув край шторки, тебе ещё ручкой помашут. Им ведь приятно, о них не забывают. Целый сезон стоял у нас такой «памятник» архитектуры перед глазами.

А ещё у нас принято, чтобы хозяева тоже участвовали в процессе, естественно, нам, низкоквалифицированным работникам, поручают что попроще: подай, принеси, отнеси. Короче, тоже без дела не стой. Ну я и не стоял, чурбачки распиленного клёна к бане таскал, ветвистые хвосты стволов в прицеп грузил – их потом покидают в тракторный брод между двумя озёрами, не гать, получится, но всё же. А ещё я очень переживал за сохранность электрических проводов, не медной проволочки, а на этот раз самой настоящей линии электропередач. Она аккурат с двух сторон несчастный клён окружает. Завалят не так дерево, и на несколько суток можно распрошаться почти со всеми благами цивилизации. По два раза в день к нам ремонтники не ездят, да и заменить разрыв в «воздушке» это не проволочку к двум клеммам присобачить. А у соседа Кравченко должны работать циркулярка и пилорама, у соседки Любы в морозилке запас рыбы на осень, у Серёги – творог самодельный, а у меня ещё лучше и вовсе не в холодильнике – разборки с «Россетями». Вот и наблюдал я с дрожью в сердце за младшим Мальком, пристраивавшем бензопилу к очередной верхушке разросшегося в три ствола клёна, не дай Бог, его старший брат не удержит верёвку в заданном направлении. Но обошлось, второй за день катализм в нашей деревеньке не случился.

«Ну вот, можно, наконец, выдохнуть и заняться своими делами», – с чувством неимоверного облегчения подумал я. Подумал и... посмотрел на часы. Восьмой час, да уж займёшься ими, как же. Пора ловушки проверить, а потом детей кормить ужином, отдохнёшь тут.

В ловушках, как назло, бились зубастыми мордами о сетчатые бока мерёж две щучки. Не очень крупные, но вполне подходящие для ухи. «Чёрт вас подери, – ругался я про себя, – не могли подождать до Юлиного возвращения, вас ведь ещё чистить придётся, и не Юле, как обычно, а мне». Может, кто бы в подобной ситуации и отпустил бы хищниц, но не я. Жадность мешает, уплощено, то бишь поймано, да и что я зря плавал на другой берег озера

(цельных сто метров с гаком!), тогда надо было уж просто лечь на балконной раскладушке с книжкой в руке, а не устраивать поход за рыбой. Так я утешал себя, отрезая ножницами плавники и сдирая чешую (от хвоста к голове, от хвоста к голове, как учила перед отъездом великая чистильщица рыбы Юля). Такую же мантру произносил про себя и потроша состоящие в основном из наполовину переваренных мальков (настоящих, а не деревенских) внутренности хозяек подводного мира нашего озера.

Пока занимался щуками, готовил ужин для подрастающего, а потому жадного до калорий поколения, перекусывал сам под бокал красного сухого, день и закончился. Десять часов, солнце уже упало в заозёрье, в доме давно горел свет, не всюду, кстати, безуказненно освещавший порой хитроумно выделенные помещения нашей загородной резиденции. Например, узкое пространство между лестницей на второй этаж и широким окном с живописным видом на заброшенный лет двадцать назад соседний участок (трава по пояс, старые, кривые яблоньки и дом с единственной незавалившейся стеной) постепенно было преобразовано в библиотеку с четырьмя книжными полками. Там, сидя в икеевском кресле, удобно читать и при этом никому не мешать выполнять обязанности по кухне. Правда, единственный нормальный источник света в том месте – настольная, то есть наподоконная лампа. Но и так неплохо. Вот я и двинулся в этот уголок дома, дабы принять дневную дозу мыслей великих и не очень людей. Шёл с осознанием выполненного долга, да, предаться сочинительству не удалось, но свет починили, клён срубили, дети сыты, никто больше ногу-руку не сломал, значит всё хорошо. Первый день без Юли, полёт нормальный.

Однако в библиотеке одно непредвиденное обстоятельство в который раз за день нарушило мои планы. Кресло занимал Тихон и, конечно, не книгой были заняты его руки и голова. Где удобно читать, удобно и играть на компьютере. На табуреточке рядом с ним, в нескольких десятках сантиметров от лестницы, лежал Юлин «Lenovo», форматный такой агрегат. Он в данном случае служил ребёнку ковриком для мышки. Тихон направил извиняющийся взгляд в мою сторону, мол, прости, папа, пришлось опять взять твой комп, «Lenovo» всё время лагает (глючит на языке подростков). У Юли ведь два ноута, и более возрастной, тот самый «Lenovo», постепенно стал вторым компьютером детей. Они умеют работать тихой сапой, поэтому скоро, чувствуя, и мой, единственный между прочим, «ящик» тоже станет обязательным элементом их он-лайн игр.

«Ладно, смирюсь с потерей привычного места, сегодня всё не по-моему, - решил я, - почитать можно и в кровати». Вслух добавил: «не сиди в темноте, включи свет!» Захотелось лишь взглянуть: какие игры занимают голову ребёнка, и, не дойдя двух ступенек до конца лестницы, наклонился, оперевшись левой рукой о «Lenovo». Это было грубой ошибкой с моей стороны. Тихон способен на многое: повесить рюкзак так, что он тут же рухнет ему на голову, поставить стакан на самый край стола, чтобы его удобно было

смахнуть рукавом на пол и на многое другое. В данном случае, он положил Юлин комп так, что он лишь половиной корпуса опирался о стул. Вторая находилась в свободном полёте и могла завалиться в любой момент. И вот любой момент настал, я перенёс почти всю тяжесть своего тела на компьютер, под которым по всей логике должна была быть табуретка. Но под ближайшей ко мне частью «Lenovo» была пустота. Мы полетели вместе, одновременно: компьютер на пол, я – по лестнице. Отчаянно извернувшись в падении, я сумел зацепить компьютер и смягчить его приземление. Врождённая жадность заставляет прежде всего заботиться только о том, что уже стоило денег, а не о том, что будет стоить их, и не только их. Посему моё собственное приземление оказалось гораздо менее удачным: я с грохотом завалился левым боком на ступеньки и пролетел по ним вниз метра полтора.

Встал с трудом, потирая ушибленную бочину. В глазах Тихона и принёсшегося на место происшествия на пятой костыльной скорости Матвея читался страх: «Неужели теперь и папа сломал себе что-то?» К счастью, опять обошлось, повезло, можно сказать, хотя вся левая часть тела от бедра до подмышки болела ещё с неделю. Кряхтя и охая, я поднялся и проследовал к кровати, больше в тот вечер я никуда не вставал. Достаточно. Это должен был быть самый обычный день в деревне. Рутинный.

АВГУСТ 2019 ПОПАДЬИНО

